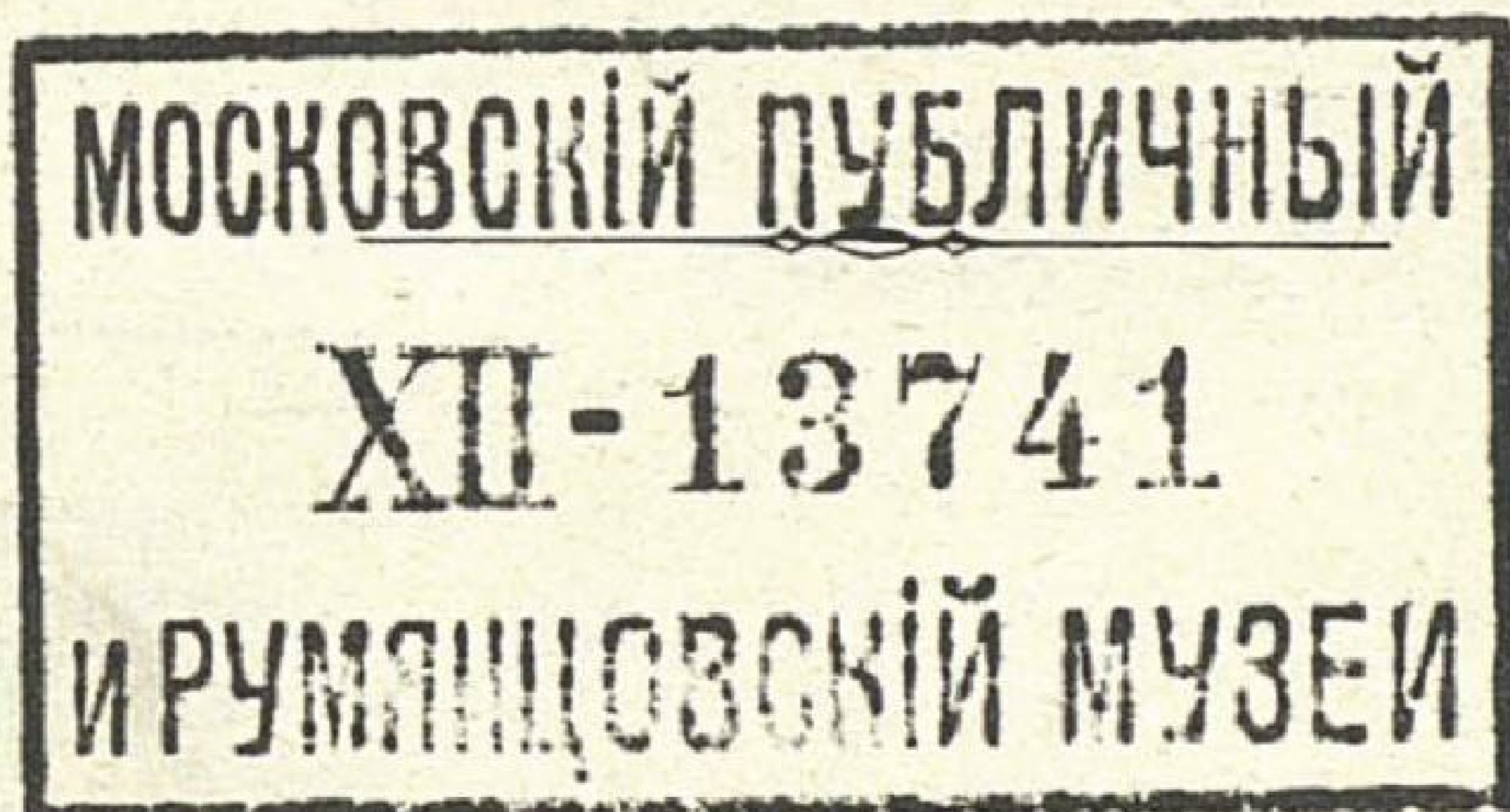

М 88
225
Н. И. Березинъ.

КАВКАЗЪ

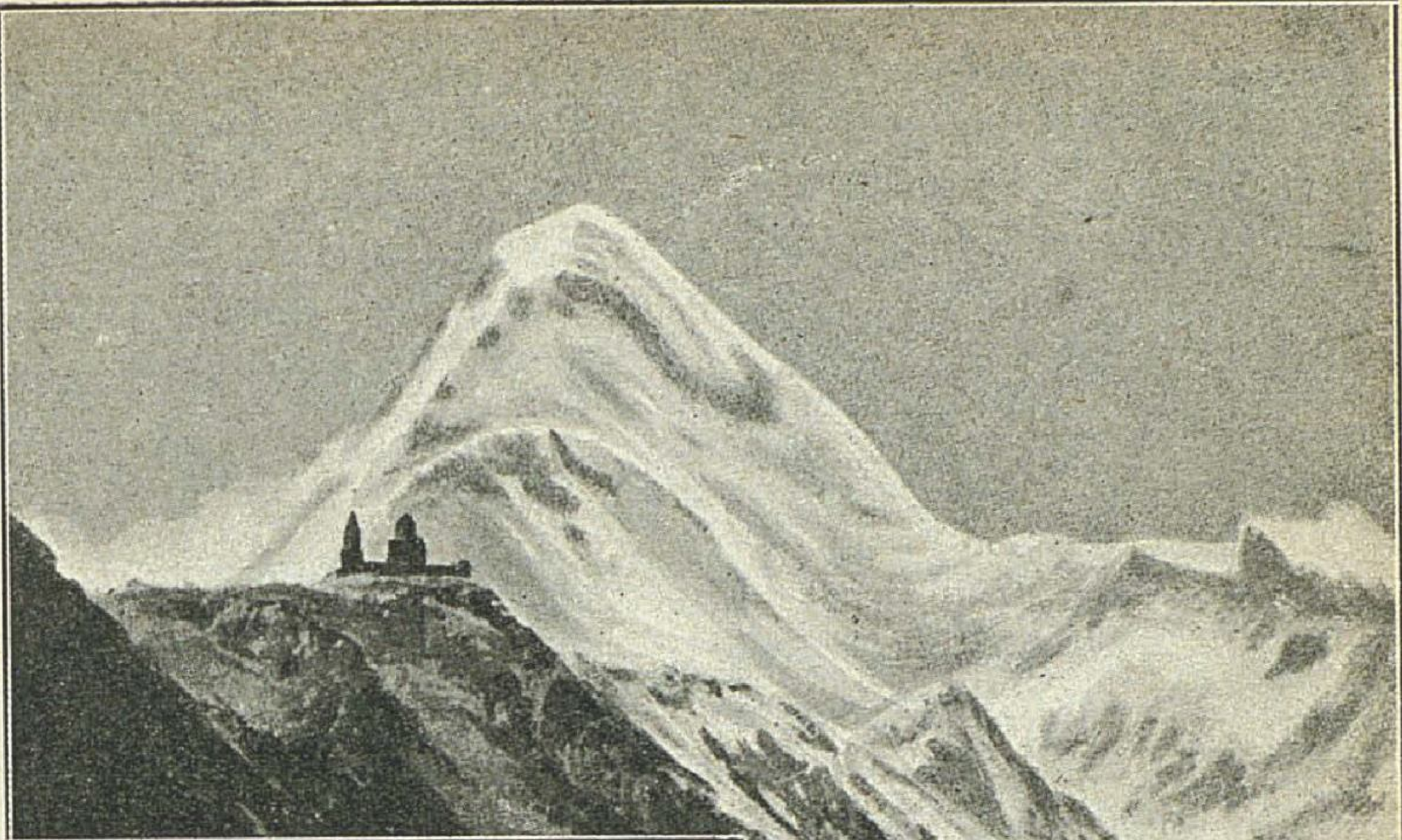
(ПРИРОДА И ЛЮДИ).

Съ 32 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство „Юный Читатель“.
1912.

Казбекъ.

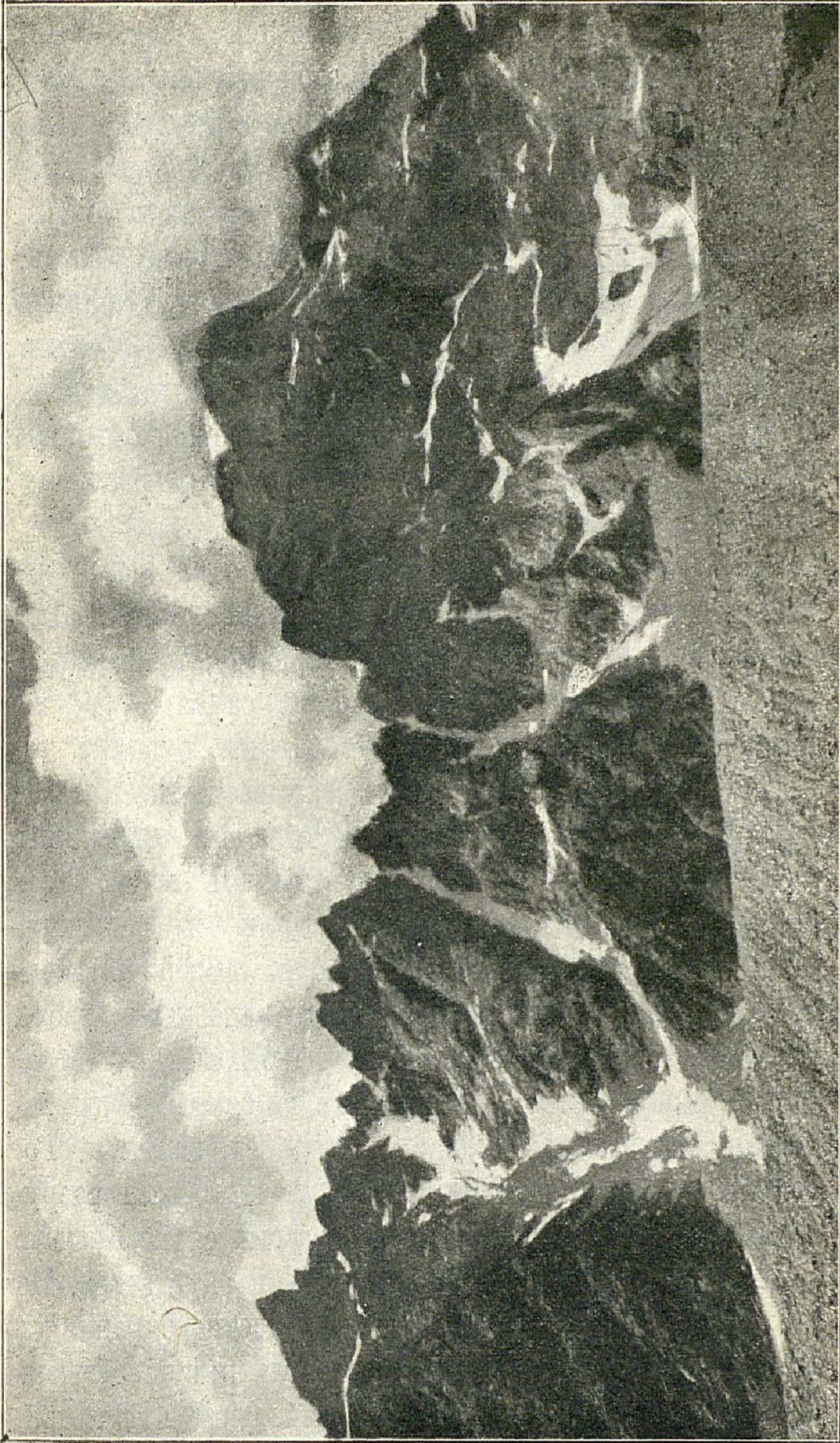
Природа Кавказа.

Кавказскій хребетъ.—Потухшіе и грязевые вулканы.—Вѣчные огни.—Ледники.—Горные ручьи и рѣки.—Западный Кавказъ: его растенія и животныя.—Восточный Кавказъ.—Лихорадки.

Кавказскій край—громадная окраина Россіи, которая далеко распласталась по обѣ стороны Кавказскаго хребта между двумя морями—Чернымъ и Каспійскимъ. Долго мчится поѣздъ по зеленымъ кубанскимъ степямъ, покрытымъ посѣвами. Все плоско кругомъ. И вотъ изъ-подъ земли поднимаются громадные бугры, точно спящіе среди равнины чудовищно-гигантскіе верблюды.

Это погасшіе вулканы кругомъ Пятигорска. Но это еще не Кавказъ. Кавказъ—еле замѣтная, мерцающая надъ южнымъ горизонтомъ свѣтлая полоска. Это снѣговыя вершины, вздымающіяся выше облаковъ. Только спустя много часовъ поѣздъ подкатываетъ у Владикавказа къ подножію горъ, которыя непрозрачныя массы нижняго воздуха скрывали отъ взоровъ. И вотъ передъ глазами стоитъ поросшая темной зеленью стѣна горъ, изъ-за которой высится ослѣпительная вершина Казбека. Онъ, какъ недосягаемо-высокое божество, словно, позволяетъ смотрѣть на себя, когда расплзутся врозь облака, и лучи солнца вѣнчаютъ его царственную красоту красноватымъ блескомъ чистаго золота. Невыносимо гордо это видѣніе, оно рождаетъ священный ужасъ. Кажется, всѣ эти бѣлые гиганты—боги, они молчатъ, потому что слишкомъ велики для мелкаго человѣческаго міра. Люди копошатся у ихъ подножій, ползаютъ по долинамъ и ущельямъ, все новые и иные, а горы стоятъ, какъ будто для нихъ не существуетъ времени.

А между тѣмъ было время, когда горъ Кавказа не существовало. Въ Предкавказьи, въ большой равнинѣ, которая прислонилась къ горамъ съ сѣвера, замѣтно, что ее еще недавно заливало море. Каспійское море было нѣкогда гораздо больше и соединялось съ Чернымъ къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ. Неизвѣстно, почему это море стало усыхать, раздѣлилось на два моря, которыя долго еще соединялись проливомъ въ ложбинѣ, гдѣ теперь текутъ два Маныча, двѣ степныхъ рѣчки—одна въ Черное, другая—въ Каспійское море. Обнажившееся морское дно покрылось почвой и растительностью, буйной и высокой на западѣ, и тощей, даже прерываемой песками, на востокѣ, гдѣ, въ сосѣдствѣ

Ужба, недоступная вершина Сванетскихъ Альпъ.

Каспійскаго моря, климатъ становится суше. Сами Кавказскія горы гораздо древнѣе этой равнины. Земные пласты уже давно, безконечно давно, медленно сгибались здѣсь въ складки, коробились, ломались. Въ трещины изъ нѣдръ земли неразъ изливалась лава. Росли, дымились и гудѣли вулканы—теперь ихъ не узнать, потому что громадныя конусы ихъ потухли, успокоились и одѣлись снѣгомъ. Эти вулканы Эльборусъ, Казбекъ и многія другія вершины. Складки, отъ которыхъ теперь остались разрушенныя гребни, тянутся стѣной отъ пролива у города Керчи на 1.100 верстъ къ Апшеронскому полуострову.

И по южную сторону Кавказскихъ горъ, нынѣшнее Закавказье тоже занимало море, хотя и не вездѣ. Тамъ есть двѣ долины: одна у Чернаго моря, по ней течетъ въ это море Ріонъ. Это та самая рѣка, по которой плыли аргонавты за золотымъ руномъ, называя ее Фазисъ. Другая долина открывается къ Каспійскому морю. По ней течетъ Кура. Вотъ обѣ эти долины составляли, вѣроятно, нѣкогда заливы морей, заливы неглубокіе, которые завалили и засыпали рѣки и рѣчки, низвергавшіяся съ высей Кавказа. Надо подивиться, сколько сюда навалилось обломковъ Кавказскихъ горъ. Обширная низина рѣки Куры кромѣ того еще опускается, она грузнетъ въ землю, и движеніе это сопровождается частыми землетрясеніями. Городъ Шемаху за недавнее время уже два раза разрушало землетрясеніемъ. Такимъ образомъ около Кавказа земля еще неспокойна, она дрожитъ и опускается. Но отъ прежней вулканической дѣятельности сохранились лишь слѣды. Такъ на полуостровѣ Тамани существуютъ какія-то подобія вулкановъ. Это небольшіе бугры или конусы изъ полужидкой грязи. Наверху изъ отверстія

постоянно появляются горячіе газы и пары. Выходя, они надуваютъ жидкую грязь пузыряремъ, онъ лопається, и на смѣну его растетъ новый. Эти кучки представляютъ такъ называемые „грязевые“ вулканы. На другомъ концѣ Кавказа, на Апшеронскомъ полуостровѣ, тоже выдѣляются изъ трещинъ горючіе газы. Если поднести къ такой скважинѣ спичку, газъ вспыхиваетъ и горитъ длиннымъ, узкимъ языкомъ, какъ мечъ архангела. Пламя горитъ, пока порывомъ вѣтра его не погаситъ. Есть здѣсь „огни“, которые горятъ съ незапамятныхъ временъ. Парсы „огнепоклонники““, почитающіе пламя за высшую, очищающую стихію, построили здѣсь обширный храмъ, окруживъ языки пламени трубами въ видѣ башенъ. Чудную картину представляетъ этотъ „домъ огней“ ночью, подъ чернымъ пологомъ южнаго неба.

Между этими „огненными“ концами горъ располагаются длинныя снѣговыя цѣпи. Снѣга, скопляющіеся на высотахъ, даютъ начало множеству ледниковъ и рѣкъ. День и ночь снѣжная скатерть горъ таетъ по краямъ. Едва встанетъ солнце, едва брызнетъ оно знойнымъ свѣтомъ, какъ вездѣ со снѣговъ дружно начинаетъ капать вода. Къ полудню струйки воды несутся со всѣхъ сторонъ, онѣ сливаются воедино, катятся серебристыми нитями черезъ высокіе нагорные луга, спускаются въ ущелья, въ овраги и шумятъ, режутъ, пѣнятъ здѣсь горными потоками. Со всѣхъ сторонъ устремляются они въ каждую большую долину, приливая свою воду къ бѣгущей по ней рѣкѣ.

Многія рѣки родятся изъ ледниковъ, а ледниковъ на Кавказѣ очень много. На одномъ Эльборусѣ 13 большихъ и 60 малыхъ ледниковъ. Рождаясь изъ дѣвственно бѣлаго снѣга вершинъ, ледникъ книзу, гдѣ масса его уси-

ленно таетъ, становится все грязнѣе. Сколько валится на него глыбъ, камней, разрушенной породы со склоновъ! Вотъ Девдоракскій ледникъ на Казбекѣ, дающій начало одному изъ притоковъ Терека. Темно-грязной полосой лежитъ онъ между склоновъ, и все время бѣжитъ изъ-подъ него вода, все время срываются камни, весело летящіе подъ кручу къ грудѣ товарищей своихъ, которыхъ постепенно укатываетъ все дальше и дальше внизъ рождающійся ручей. А когда завѣсится Казбекъ облаками, и хлынетъ ливень, воды быстро скатываются въ рѣку, и скромная струя превращается въ дикаго и буйнаго звѣря. Среди рева и пѣны, злобно толкая громадные глыбы, несетъ масса загустѣвшей отъ грязи воды внизъ по Дарьяльскому ущелью.

Случается, что ручьи вспухаютъ отъ дождей такъ внезапно, бѣшеная масса воды, грязи, камней налетаетъ въ долину съ такой быстротой, что скотъ и даже люди не успѣваютъ убраться съ дороги. Впрочемъ, горцы знаютъ всѣ шутки своихъ горъ, и застать ихъ врасплохъ трудно. Но деревья, густыми кучами заграждающія ущелья западнаго Кавказа, становятся игрушкой воды. Сваленные порывами бури двадцатисаженные буки и пихты попадаютъ въ потокъ, и ихъ несетъ, какъ какую-нибудь вѣтку. Кувыркомъ, бокомъ и прямо скачетъ внизъ громадное дерево. Безъ листьевъ, съ обломанными вѣтвями, съ содранной корой, скатывается безобразное бревно въ долину и застреваетъ на отмели въ песокъ, гдѣ слабнетъ сила теченія, если только его не сломить, какъ спичку, въ ущельи, гдѣ дерево стало поперекъ воды.

Зимой, когда бураны заметутъ верхнія ущелья, въ высокихъ ложбинахъ, гдѣ скопляются груды снѣга, ручьи начинаютъ свое теченіе подъ нимъ въ длинныхъ

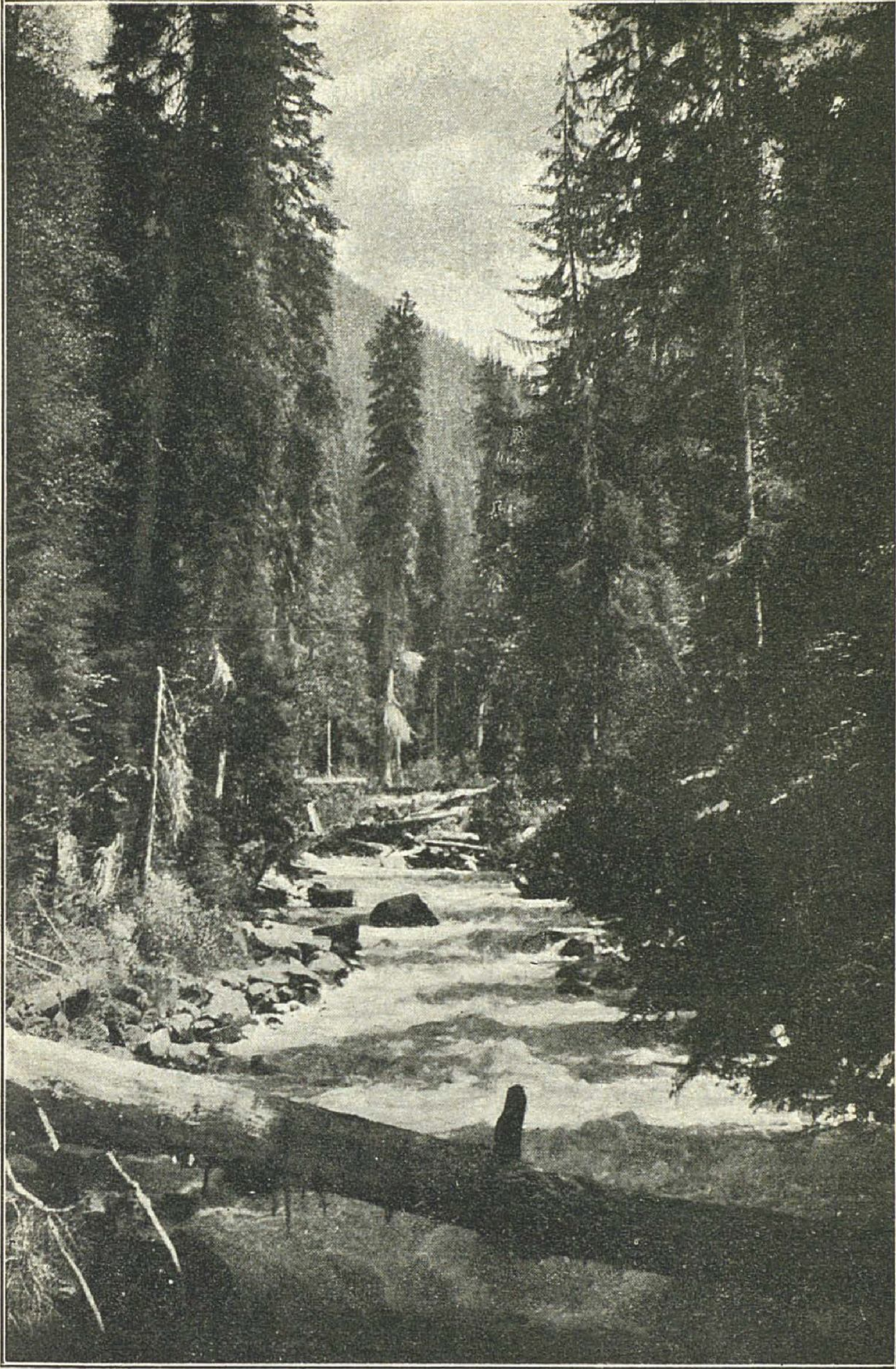
Девдоракский ледник Казбека.

туннеляхъ. Лавины, свергающіяся внизъ, обвалы и осыпи часто загораживаютъ ручей; онъ останавливается, спертый въ своемъ теченіи, злобно скопляется въ озеро позади внезапной плотины, и вдругъ скопившаяся вода своимъ напоромъ двигаетъ преграду, и внизъ катится гигантскій комъ грязи, снѣгу, камней, воды. Что дѣлается внизу, гдѣ обвалъ останавливается! Уже потомъ постепенно рыхлыя груды сноситъ водою дальше къ морю.

Неудивительно, что съ Кавказа несется такая масса рѣкъ. Каждая изъ нихъ заваливаетъ долины, заваливаетъ море, сама запираетъ себѣ дорогу грудой гальки, песку, илу, но все-таки стремится промыть себѣ дорогу сквозь нихъ.

Терекъ одна изъ самыхъ буйныхъ кавказскихъ рѣкъ. Онъ бѣжитъ изъ Дарьяльскаго ущелья и столько навалилъ по берегамъ наносовъ, что, выйдя изъ горъ, течетъ выше окружающей равнины. Есть близъ него городъ Кизляръ, окруженный виноградниками, по берегамъ много станицъ: они лежатъ ниже уровня воды и защищаются отъ разлива плотинами. Но бываетъ, что послѣ дождей прорветъ плотины, и море грязной воды затопляетъ поля и сады, оставляя послѣ себя цѣлыя скатерти песку, камней и илу. Каждый годъ Терекъ увеличиваетъ сушу у своего устья на цѣлую квадратную версту. Дайте ему только время—онъ разрушитъ Кавказъ и завалитъ его обломками Каспійскаго море.

Скромный потокъ передъ вами, вода немного выше колѣнъ. Но не вступайте въ него! Стремительнымъ напоромъ собьетъ съ ногъ, тѣмъ болѣе, что нога ступаетъ по зыбкой массѣ движущихся обломковъ. Подъ водяной струей бѣжитъ другая—каменная струя.

Горный ручей въ Сванетіи. (Фотографія).

Ея не видно за грязью и мутью, но изъ-подъ воды слышенъ грозный шорохъ безчисленныхъ голышей.

Снѣга, ледники, ручьи и рѣчки разсѣкли Кавказъ на множество долинъ и ущелій. Можно сказать, что они придали рѣзкимъ и суровымъ чертамъ первозданныхъ горъ величественную прелесть разнообразія. Но милостивую красоту сообщаетъ пейзажу та влага, которая питаетъ растительность.

Западный Кавказъ, тамъ, гдѣ цѣпи его растянулись вдоль Чернаго моря, гдѣ, какъ черныя ямы, зіяютъ въ голубоватой дымкѣ глубокія ущелья, и изъ каждой бѣжитъ рѣчка,—Западный Кавказъ получаетъ гораздо болѣе дождей, чѣмъ восточный. Здѣсь у подножія горъ, при морѣ, воздухъ душенъ отъ паровъ. Даль здѣсь непрозрачна, словно затянута дымкой. Сквозь такую же дымку видны горы, а мимо вершинъ, то закрывая, то открывая ихъ, медленно, какъ сновидѣнія, плывутъ облака.

Ливни въ горахъ напитываютъ почву, и отъ границъ вѣчныхъ снѣговъ до самаго низа склоны одѣты кудрявымъ, мохнатымъ растительнымъ ковромъ. Въ этомъ южномъ краѣ настолько тепло, что цвѣты встрѣчаются у самаго снѣга. Среди сѣрыхъ лишаяевъ и мховъ, облѣпившихъ камни, едва лѣтомъ отодвинется вверхъ край снѣга, начинается горячая жизнь. Подъ зноемъ солнечныхъ лучей, на высотѣ 3.000 м., идетъ спѣшное цвѣтеніе, созрѣваніе и разнось сѣмянъ. Въ одну ночь вырастаетъ изъ земли тюльпанъ, лилія, распускаетъ листья папоротникъ. Горные луга быстро покрываются сочной травой. Наклонныя поляны этихъ луговъ на высотахъ 2000—3000 м. открываютъ всюду видъ на далекій просторъ: съ одной стороны всхолмленные ска-терти вѣчныхъ снѣговъ, съ другой, ниже—синѣющія

темнымъ фономъ долины, ущелья, лощины, покрытыя мохнатыми лѣсами. Какъ точки пыли въ массѣ воздуха, висятъ орлы. Сверкнетъ по склону горъ, какъ бѣлая молнія, падающая лавина. Словно мелкій бисеръ рассыпано вдали стадо барановъ, и люди и собаки кажутся маленькими точками.

Но спустимся ниже на тысячу метровъ въ полосу лѣса. Со свѣтлаго простора луговъ путникъ вступаетъ въ могучій пихтовый лѣсъ. Онъ бредетъ по тучной хвойной почвѣ, раздвигая папоротники въ ростъ чело-вѣка, въ полумракѣ гигантской колоннады, словно въ какомъ-то громадномъ готическомъ храмѣ. Влажный, прохладный воздухъ пахнетъ смолой. Тишина и мракъ обращаютъ взоръ къ небу, гдѣ въ просвѣты колоссальныхъ пихтъ видны клочки лазури. Но къ полудню поднявшіяся съ моря испаренія накрываютъ лѣсъ туманнымъ пологомъ.

Ниже пихтоваго лѣса разстилагается поясъ бук-выхъ лѣсовъ, спускающійся мѣстами до самаго Черноморья. Дубовыя рощи на свѣтлыхъ мѣстахъ, рощи каштановъ, грабъ, вязъ, грецкій орѣхъ, липа, платанъ или чинара, наконецъ, дикія яблони, груши, черешни, чередуются съ темными тѣнистыми буками. На затѣненной землѣ нѣтъ мѣста травамъ. Ее покрываютъ чащи кустарниковъ, непроходимыхъ, назойливо цѣпляющихся, бьющихъ по лицу листвою и вѣтками—разные рододедроны, азалии, лавровишня, орѣшникъ, къ которымъ ниже присоединяются вьющіяся растенія—ломоносъ, сассапарель, дикій виноградъ. Они обвиваютъ стволы и сучья, перекидываются съ дерева на дерево, нависаютъ надъ молодыми деревьями зеленымъ пологомъ и бесѣдками, гирляндами свѣшиваются съ обрывовъ, а на солнечныхъ мѣстахъ

сплетаются въ „хмеречь“ — непроходимыя стѣны зелени. Здѣсь же, въ известковыхъ ущельяхъ, растеть цѣнный самшитъ, вѣчнозеленое дерево съ бѣловато-желтой, твердой и очень цѣнной древесиной, наполняющій воздухъ своеобразнымъ ароматомъ. Благородный лавръ, сумахъ или держи-дерево ¹⁾, барбарисъ, можжевельникъ, земляничное дерево съ ярко краснымъ стволомъ и вѣтвями, древовидный папоротникъ съ аршинной толщины стволомъ и много другихъ любопытныхъ растеній растеть на подножьяхъ горъ, придавая почти безконечное разнообразіе зеленой пеленѣ, которая издали кажется однообразной.

Въ теплыхъ, влажныхъ теплицахъ, какими являются долины и приморье Западнаго Кавказа, человекъ разсадилъ много чисто тропическихъ растеній: хлопчатникъ, маслину и бананъ, магноліи, пальмы, апельсины и лимоны, кипарисы, агавы, бамбуки, чайный кустъ и пробковый дубъ. Австралійскіе эвкалипты растутъ въ этомъ углу Кавказа подъ защитой снѣговыхъ свѣсовъ, у зеленыхъ водъ Чернаго моря, точно у себя дома. Даже снѣгъ, выпадающій зимой по склонамъ горъ, не въ состояніи заморозить и придавить своею тяжестью эту богатую растительность. Онъ ложится въ лѣсу на купы деревьевъ, на плотную пелену кустарниковъ, а подъ ними теплится жизнь: журчитъ ручей, прозябають растенія, ползають насѣкомыя, порхаютъ птицы, выгнанныя съ высей горъ дикія козы находятъ себѣ здѣсь обильную пищу. Таковъ западный Кавказъ на своихъ склонахъ, обращенныхъ къ Черному морю.

Но чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ меньше влаги

¹⁾ Оно названо такъ, потому что своими колючками задерживаетъ пѣшехода, пробирающагося сквозь чащу.

въ воздухѣ, скуднѣе растительность, темнѣе и угрюмѣе голые склоны и пустынные ущелья. Уже въ среднемъ Кавказѣ нѣтъ намека на пышный міръ растеній Черноморья и долины Ріона. А на востокѣ, въ Дагестанѣ и по берегу Каспія сухость воздуха, бездождіе превращаютъ прилегающія къ Кавказу равнины въ безводныя степи съ характерными растеніями сухихъ областей. Только выси горъ, покрытыя снѣгомъ, туманы и дожди на высотахъ даютъ питаніе ручьямъ.

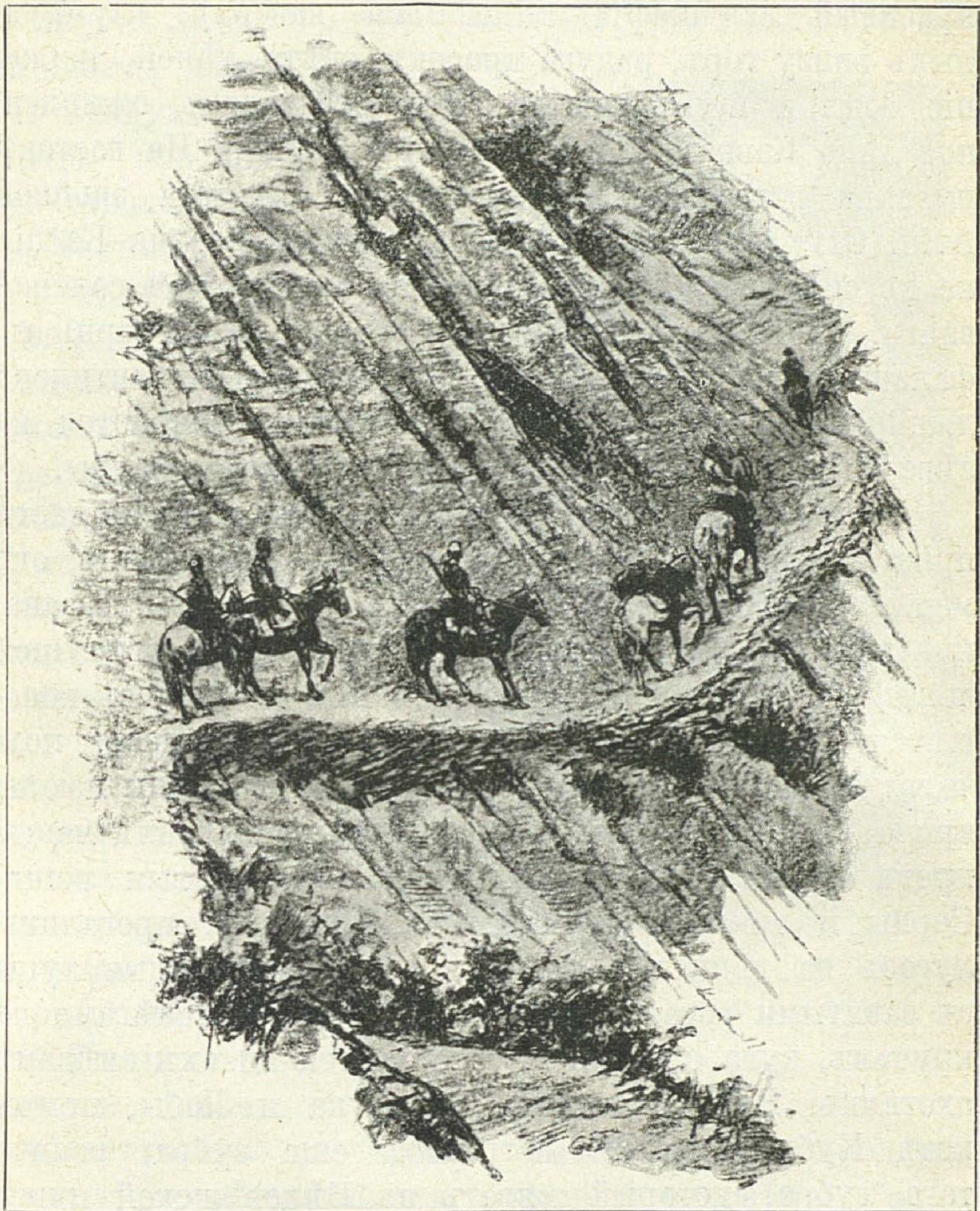
Угрюмъ и пустыненъ весь Дагестанъ, „страна горъ“. Окруженный горами, онъ самъ наполненъ ими. Скудная вода—четыре Койсу, Сулакъ и Самуръ разсѣкаютъ его глубокими ущельями, между которыми стоятъ плоско-сти, какъ крѣпости, защищенныя своими свѣсами. Сухость придавала горамъ совсѣмъ иныя формы. Дожди и множество родниковъ, мелкихъ ручьевъ и рѣчекъ не размывали бока горъ, не смягчали уступы ихъ линіями мягкихъ, пологихъ склоновъ, одѣтыхъ растительностью. Запасшись такой водой на вершинахъ, рѣчки спускаются внизъ, гдѣ сухо. Предоставленныя самимъ себѣ, безъ напора водъ со всѣхъ сторонъ, эти рѣчки, въ теченіе тысячелѣтій, словно пилы, протачивали себѣ ущелья. Онѣ несутся буйно въ глубинѣ ихъ межъ отвѣсныхъ скалъ на протяженіи 10 даже 20 верстъ, и въ темную глубь не въ состояніи заглянуть сверху лучъ солнца. Мѣстами верхніе края ущелій сближаются на сажень, на двѣ, и тутъ горцы пользуются природнымъ удобствомъ и перекидываютъ черезъ пропасти свои мосты. Часто по ущелью невозможно пробраться. Невозможно перейти съ одной стороны на другую, хотя разстояніе такое, что свободно можно переговариваться, чуть не перебросить камень. Но глубокая щель раздѣляетъ оба берега, и, чтобъ попасть въ селеніе на ту сторону, надо

сдѣлать далекій объѣздъ, спустившись и поднявшись по кручѣ, часто по ступенькамъ, выбитымъ въ стѣнѣ. Только пѣшеходы и горскія лошади могутъ ползать по этимъ тропамъ, зигзагами вверхъ, внизъ. Съ одной стороны стѣна вверхъ, съ другой—пропасть, и даже нельзя нагнуться, чтобы видѣть дно ея. Есть тропы, по которымъ ходятъ и ѣздятъ всегда лишь въ одну сторону, потому что встрѣча—вѣрная смерть для одного изъ путниковъ: такъ тѣсно, что разойтись невозможно.

Зеленые луга разстилаются лишь на высокихъ склонахъ и плоскостяхъ. Ниже голо и пусто; самая растительность,—какіе-нибудь сухощавые пыльные кустарники, тощія деревья, имѣютъ видъ, точно они не живутъ, а прозябаютъ. Таковъ же склонъ къ Каспійскому морю, окрестности Баку, Дербента, гдѣ сады зелены лишь потому, что искусственно орошаются водой горныхъ потоковъ. Даже рѣки не могутъ напоить земли. Кура несется у подножья восточнаго Кавказа, мимо сухой Муганской степи, покрытой солончаками. Мелкими розетками жмутся къ землѣ тощія растенія. Они покрываютъ себя въ борьбѣ съ сухостью пухомъ, обволакиваются тяжелымъ ароматомъ, какъ можно скорѣе спѣшатъ использовать короткую весну, чтобъ отцвѣсти и дать плодъ, сухой и тощій на тонкомъ, почти безлистномъ стеблѣ. Даже верблюды съ трудомъ жуеютъ сухіе, деревянистые стебли, усыпанные колючками. Одни солянки, растенія, пріученныя къ сухой почвѣ солонцовъ, чувствуютъ себя уютно въ зноѣ и пыли этой безотрадной мѣстности. Но, человекъ уже оцѣнилъ близость большихъ рѣкъ—Аракса и Куры, и пытается теперь оросить чахлую степь каналами и канавками.

Таковъ удивительный контрастъ на обоихъ концахъ Кавказской цѣпи. Отъ Поти до Баку, на протяженіи

сутокъ странствія въ вагонѣ, можно перенестись изъ сочной зелени почти тропическихъ зарослей въ

Тропа надъ пропастью.

голую страну азіатскихъ степей и пустынь. Границей этихъ областей можетъ служить Сурамскій хребетъ,

которымъ Кавказъ соединяется съ горами Закавказья и Арменіи. По западную сторону его веселый, чудно красивый ландшафтъ алмазныхъ наверху, изумрудныхъ внизу горъ, радуга красокъ, свѣта, тѣней, движеніе водъ и шумъ листвы. Это смѣющееся, оживленное лицо Кавказа, обращенное къ Европѣ. На востокъ путника встрѣчаетъ величественная пустота знойной Азіи. Оттуда вѣетъ сухостью, и тяжелая волна Каспія не въ силахъ оросить воздухъ брызгами своей соленой влаги. Здѣсь ползетъ по землѣ тарантулъ и скорпіонъ, фаланга, бродитъ верблюдъ, скакнетъ вдали антилопа джейранъ, и сквозь лѣса Ленкорани пробирается на сѣверъ тигръ—все представители азіатской фауны.

А тамъ, надъ Чернымъ моремъ, сочная зелень даетъ пріютъ цѣлому міру безпозвоночныхъ. Стаи птицъ, отъ мелкихъ пташекъ до кавказскаго тетерева и фазана, цвѣтной ракетой взвивающагося къ небу изъ цвѣтущей чащи, множество грызуновъ, мелкихъ хищниковъ копошатся въ гущѣ переплетенныхъ кустарниковъ, полчища насѣкомыхъ стрекочутъ, невидимыя птицы поютъ, кричатъ. Щетинистый кабанъ, помѣщикъ этихъ чащъ, претъ напроломъ сквозь заросли въ дубовыя рощи. Серны и дикія козы мѣняютъ солнечныя прогалины луговъ на тѣнистую тишину лѣса, осторожные туры съ завитыми рогами бродятъ подъ самыми снѣгами по кручамъ, куда съ трудомъ забирается по ихъ слѣдамъ охотникъ. Въ верховьяхъ Зеленчука и Лабы, притоковъ Кубани, можно встрѣтить еще зубра, родича того зубра, который живетъ въ Бѣловѣжской пущѣ Гродненской губерніи. Внизу въ заросляхъ, кругомъ селеній и станицъ таякаютъ и воютъ по ночамъ шакалы, въ то время, какъ яркіе свѣтляки сверкающими нитками летаютъ съ куста на кустъ, бороздя воздухъ, какъ безчисленные маленькіе метеоры.

Но и тамъ, на востокъ, и здѣсь, у Чернаго моря, среди красотъ, въ теплѣ и нѣгѣ есть ужасныя мѣста, откуда бѣгутъ люди. Вездѣ въ низинахъ, гдѣ топко, гдѣ застаивается влажный воздухъ, гдѣ гніютъ поваленные стволы, ліаны, листья и стебли, съ влажной и жирной почвы костлявой рукой грозятъ человѣку страшныя лихорадки. Онѣ подкрадутся неслышно въ прохладѣ вечера, выпьются незамѣтно со стаканомъ воды, съ сочнымъ фруктомъ, съ укусомъ комара и потомъ рѣдко уже выпустятъ свою жертву невредимой. Тощій, блѣдный и слабый, съ потухшимъ взглядомъ томныхъ глазъ бродитъ, какъ тѣнь, заразившійся маляріей человѣкъ. Точно злой духъ тайно вселился въ него или посѣщаетъ его тѣло, чтобъ помучить и черезъ мѣсяцы и годы привести къ неминуемой могилѣ. Есть мѣста, гдѣ страшно, невозможно жить. Одни буйволы и земноводныя

Охотникъ за турами.

съ потухшимъ взглядомъ томныхъ глазъ бродитъ, какъ тѣнь, заразившійся маляріей человѣкъ. Точно злой духъ тайно вселился въ него или посѣщаетъ его тѣло, чтобъ помучить и черезъ мѣсяцы и годы привести къ неминуемой могилѣ. Есть мѣста, гдѣ страшно, невозможно жить. Одни буйволы и земноводныя

чувствуютъ себя тамъ дома. Эти гнѣзда лихорадки располагаются всегда въ низинахъ, гдѣ сбѣжавшая съ горъ вода останавливается, пропитываетъ тучную почву и даетъ пріютъ полчищу растеній, гущу которыхъ не пронизываетъ солнце, не провѣваетъ никакой вѣтеръ.

Жители Кавказскихъ горъ.

Разноплеменность кавказскихъ жителей.—Кубанскіе и Терскіе казаки.—Свѣдѣнія древнихъ о горцахъ Кавказа.—Горскіе народы.—Горцы западнаго Кавказа.—Дѣленіе на сословія.—Родовой бытъ.—Канлы.—Религія.—Положеніе женщины.—Домашній бытъ.

На базарѣ древняго города Діоскуръ, находившагося на мѣстѣ нынѣшняго Сухума, собиралось столько разноплеменныхъ людей, что римскіе правители держали тамъ для сношеній съ ними 70 переводчиковъ, а по другимъ свѣдѣніямъ даже 130. Вотъ какъ много жило на Кавказѣ и въ сосѣдствѣ его разныхъ народовъ и племенъ, говорившихъ каждый на своемъ нарѣчій. Множество этихъ нарѣчій до того поражало потомъ изслѣдователей, что Кавказъ прозвали „горой языковъ“. И теперь населеніе его чрезвычайно пестро. Какихъ народовъ тамъ нѣтъ! Всякій изъ нихъ находилъ себѣ на Кавказѣ удобное мѣсто для безопасной жизни. Тамъ есть плодородныя, знойныя низины и сухія степи; есть плоскогорья, берега морей, горные лѣса, альпійскія пастбища, уединенныя высокія ущелья, до которыхъ трудно добратъся и врагу и дру-

гу; наконецъ съ сѣвера къ горамъ примыкають степи, по которымъ на конѣ или въ подвижной телегѣ-кибиткѣ можно странствовать безъ конца и краю—въ Европу и въ Азію. Какихъ растеній нѣтъ на Кавказѣ, какихъ рыбъ и звѣрей, драгоценностей въ нѣдрахъ горъ—серебра, мѣди, золота, соли, сѣры, нефти, марганца. Что же удивительнаго, если этотъ богатѣйшій отъ природы край вѣчно привлекаетъ къ себѣ людей. А теплота воздуха, а красоты природы и удобства сообщенія! Вѣдь Кавказъ лежитъ между Азіей и Европой, на перекресткѣ межъ двухъ морей. Черезъ него постоянно тянулись, не въ одну, такъ въ другую сторону переселявшіяся племена. Одни уходили, спасаясь на горы и въ ущелья отъ враговъ, другіе заглядывали мимоходомъ, третьихъ привлекали богатства края и пріятности жизни въ немъ. Въ концѣ концовъ на Кавказѣ скопилось столько народовъ разныхъ расъ, разныхъ религій, обычаевъ и нравовъ, что этотъ край можно уподобить громадному человѣческому музею—до того богаты и разнообразны типы его жителей и особенности ихъ жизни. Въ этой яркой, разноязычной толпѣ легко потеряться, особенно когда встрѣчаешь человѣческую массу въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ—на туземномъ базарѣ въ Тифлисѣ, въ Баку. Кого тутъ нѣтъ? Тутъ и русскій мужикъ, молочанинъ, въ русской одеждѣ, съ кнутомъ въ рукѣ, какой-нибудь кубанскій или терской казакъ съ русской фізіономіей, но въ горскомъ костюмѣ, лезгинъ сидитъ въ лавкѣ, торгуетъ кинжалами, армянинъ, грузинъ, татаринъ изъ Шуши, стройный гуріецъ, турокъ-флегматикъ и любитель кейфа, персъ, абхазецъ, черкесь, туркмень, даже индусы попадаются въ этой толпѣ.

Конечно, обитателей Кавказа можно различить по расамъ—бѣлая кавказская, турки, монголы. Можно раздѣлить ихъ по религіямъ: христіане (православные, армяно-грегоріане, раскольники, духоборы и молокане), мусульмане, огнепоклонники, полуязычники. Можно по занятіямъ—крестьяне, земледѣльцы и садоводы, кочевники, ремесленники, рабочіе, торговцы, даже, наконецъ, разбойники. Но всего удобнѣе, если мы познакомимся съ обитателями Кавказа по поясамъ: узнаемъ сперва жителей предкавказскихъ степей, затѣмъ жителей горъ и жителей Закавказья.

Степи, прилегающія къ Кубани и Тереку, теперь сильно заселились, больше всего русскими. Нѣкогда онѣ были пустыни. Еще лѣтъ двѣсти тому назадъ здѣсь можно было встрѣтить стаи антилопъ, табуны дикихъ коней. Когда-то по нимъ кочевали разные народы, начиная отъ дикихъ скиѳовъ и алланъ, кончая калмыками и ногайцами, которые и теперь бродятъ со своими стадами въ восточной части Предкавказья. Но азіатскіе кочевники уже нѣсколько сотъ лѣтъ какъ должны были уступить мѣсто русскимъ. Такъ же, какъ на Донѣ и въ Запорожье, на Кубань и Терекъ бѣжало и по берегамъ этихъ рѣкъ, скоплялось много вольнаго народу изъ Московскаго государства, бѣглыхъ холоповъ, преступниковъ, а то и просто любителей воли и раскольниковъ-старовѣровъ. Поселившись станицами на пустыхъ земляхъ по сѣвернымъ берегамъ Кубани, Сунжи, Терека, эти „казаки“ распахали земли, завели сады, держали скоть. Жизнь была привольная, но опасная: вѣдь по ту сторону рѣкъ, на ближнихъ склонахъ горъ, жили воинственные, хищные горцы. Впрочемъ, сосѣди стояли другъ друга—и казаки, обыкновенно, были не прочь предпринимать, съ своей стороны, набѣги въ

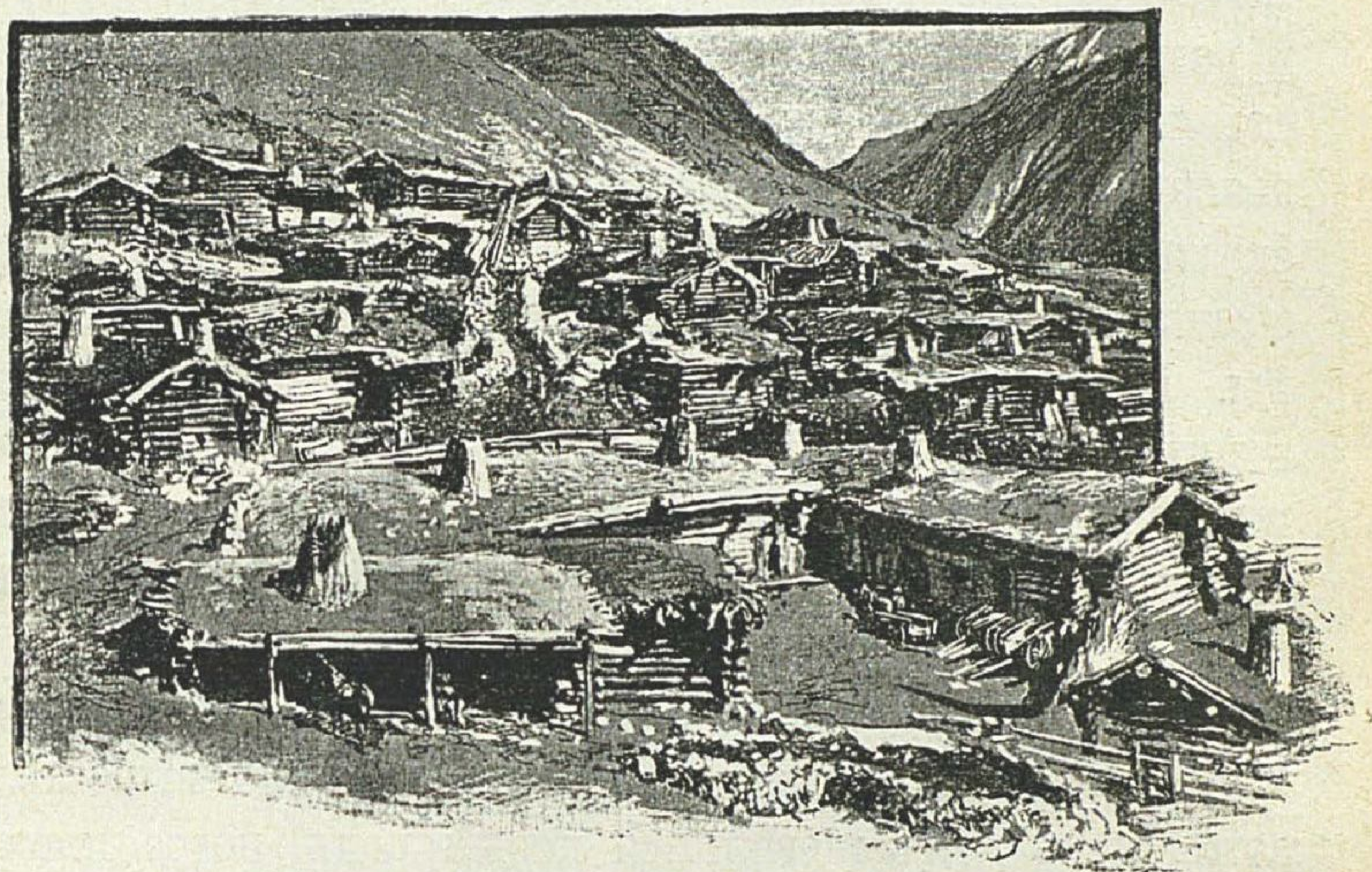
горы изъ удали, жажды грабежа и мести. Любопытно, что складъ горской жизни, особенно одежда, оружіе, пища, многіе обычаи и манеры черкесовъ такъ нравились казакамъ, что они легко и охотно перенимали ихъ, уподобляясь по внѣшности черкесамъ, кабардинцамъ или чеченцамъ. Это подражаніе доходило до того, что раскольнику или даже православному казаку абрекъ горецъ былъ милѣе и ближе, чѣмъ свой братъ, поселенецъ или солдатъ, коренной русскій человѣкъ. Пока горцы не были покорены, пока въ Россіи существовало крѣпостное право, кубанскія степи имѣли лишь казачье населеніе, которое увеличивалось, но медленно. Такъ послѣ разоренія Запорожья сюда на Черноморье и на Кубань переселилось много малорусскихъ казаковъ, много запорожцевъ, изъ которыхъ правительство, наряду съ Терскимъ и Кубанскимъ войскомъ, устроило Черноморское казачье войско, слившееся потомъ съ Кубанскимъ.

Когда-то казаки жили вольно, не знали власти надъ собой и опасались лишь набѣговъ горцевъ. Но послѣ того, какъ Россія придвинулась къ Кавказу, а особенно послѣ покоренія горцевъ, правительство перестало нуждаться въ казакахъ, какъ оплотѣ для защиты своихъ границъ. Вольности ихъ стали урѣзывать, а тяготы оставались тѣ же. Казаки должны были нести военную службу всѣ поголовно. Только увѣчные и единственные сыновья освобождаются отъ нея совсѣмъ. На службу казакъ долженъ явиться на собственномъ конѣ, со своимъ оружіемъ и аммуниціей, и когда отбудетъ срокъ дѣйствительной службы (12 лѣтъ) и поступить въ запасъ, коня и вооруженіе все-таки долженъ держать наготовѣ. Въ любое время казака могутъ вновь потребовать на

службу въ случаѣ войны или волненій, и онъ долженъ быть къ ней готовымъ. Держать боевого коня, на которомъ вѣдь нельзя пахать, стоитъ дорого. За долгое отсутствіе съ родины домохозяевъ и взрослыхъ сыновей хозяйство приходитъ въ запущеніе, потому что для обработки полей, садовъ и виноградниковъ надо нанимать рабочихъ, а не у всякой семьи хватаетъ на это средствъ. Нужда, займы и разореніе—удѣль многихъ казачьихъ семей. Давно уже прошли времена, когда кубанскіе и терскіе казаки были прирожденные воины, готовые каждый часъ отразить набѣтъ врага или сами изъ молодечества и удали пробраться въ горы и увести лошадей, пограбить, а то и свести старые счета. Теперь жители казачьихъ станицъ мирные земледѣльцы. Хотя за службу свою они пользуются нѣкоторыми льготами и преимуществами, но очень многіе ропщутъ на свой удѣль и охотно отказались бы отъ званія казака, лишь бы избавиться отъ разорительной службы.

Прежде казаки были едва ли не единственные обитатели Кубанскихъ степей и Терскихъ прибрежій. Но эти времена давно отошли въ прошлое. Теперь казачьи земли густо заселились переселенцами изъ Россіи. Степь распахали. Ее прорѣзали желѣзныя дороги. Многія станицы превратились въ настоящіе города съ люднымъ, промышленнымъ населеніемъ. Открыли нефть въ Майкопѣ, въ Грозномъ. Вереницы вагоновъ бѣгутъ съ грузомъ пшеницы въ Новороссійскъ, гдѣ громадный элеваторъ грузитъ хлѣбъ на иностранные пароходы. Предкавказье стало неузнаваемо. Войны, набѣги, удалы и просторъ былыхъ временъ канули въ прошлое, и только въ сосѣдствѣ Каспійскаго моря, какъ встарь, гоняютъ свои стада, напѣвая унылыя пѣсни, кочевники—ногайцы и калмыки.

Когда то по всей казачьей линіи стояли сторожевые посты. Караульный казакъ съ высокой вышки зорко всматривался въ горы по ту сторону рѣки, гдѣ изъ темныхъ ущелій надъ аулами немирныхъ черкесовъ вился дымокъ, слышался порой отдаленный выстрѣлъ. Тамъ обитали многочисленныя племена „татаръ“, какъ называли горцевъ казаки. Горцы живутъ на всемъ протяженіи горной цѣпи Кавказа, главнымъ образомъ

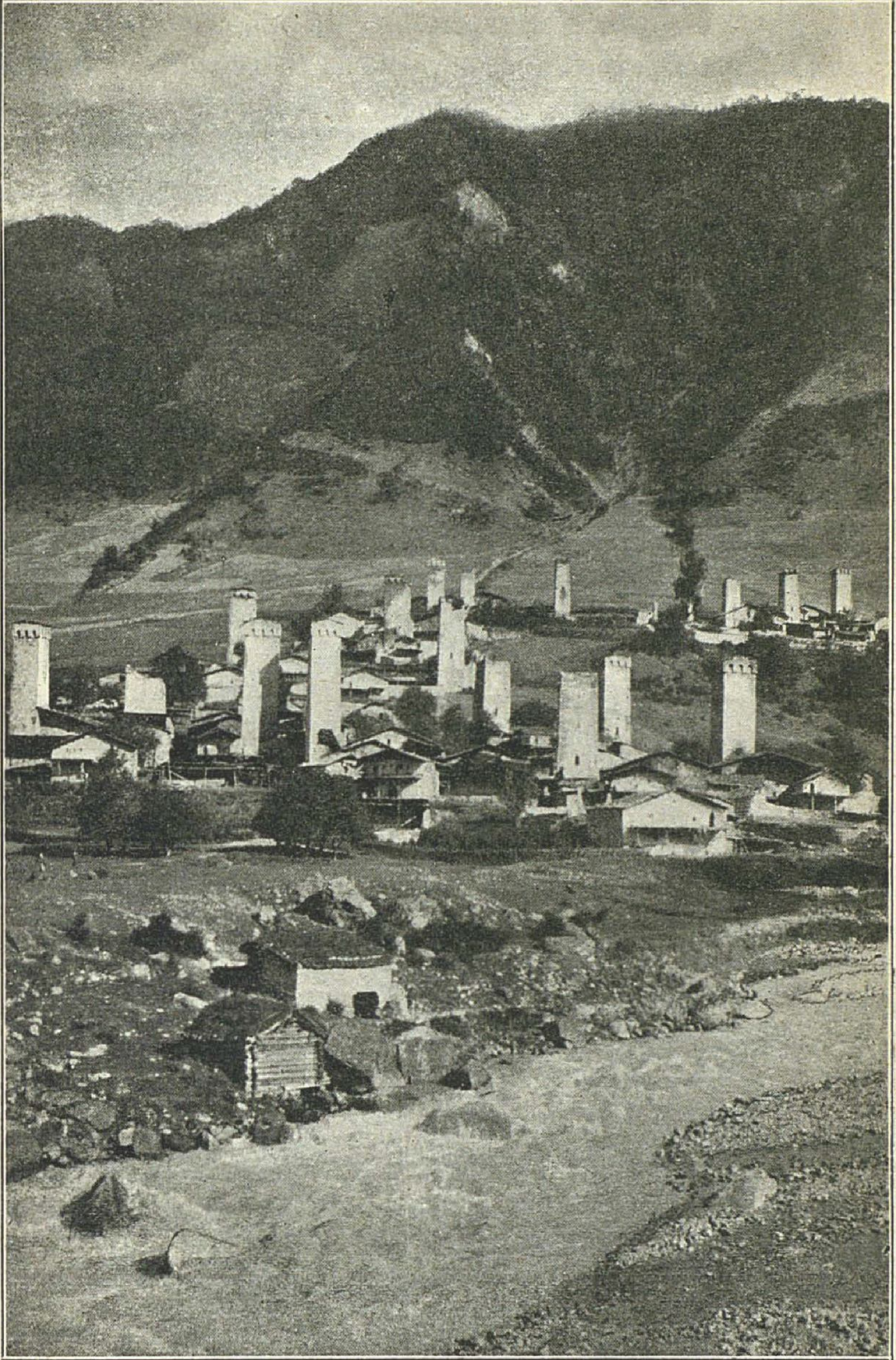

Ауль Коршущанъ въ среднемъ Кавказѣ.

по сѣверному склону. Южный склонъ крутой, сѣверный гораздо положе. Здѣсь между необитаемой областью вѣчныхъ снѣговъ и кубанской равниной простираются высокія плоскости, покрытыя лугами и лѣсами, изрѣзанныя ущельями и долинами, по которымъ изъ горъ выбѣгають ручьи и рѣчки, втекающія въ Кубань и Терекъ. Люди жили въ этихъ удобныхъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ. Горныя дебри были обильны дичью—и сейчасъ врядъ ли гдѣ такое обиліе ея, какъ

на Кавказѣ,—поля и сады приносили плоды, по горнымъ пастбищамъ бродилъ скоть. Главное же, въ горахъ было безопаснѣе отъ нападенія враговъ. Разыщете-ка ихъ, этихъ обитателей, въ ущельяхъ. А если и найдете, то штурмовать ауль все равно, что брать природой укрѣпленную твердыню. Послѣ же упорнаго, кровопролитнаго боя, даже въ случаѣ успѣха, побѣдителя ждало разочарованіе: скоть и цѣнное имущество обитатели заблаговременно прятали въ укромномъ мѣстѣ, и разыскать ихъ, блуждая по горнымъ тропинкамъ, составляло совершенно безнадежное предпріятіе. Оставаясь безнаказанными, сами горцы смѣло и дерзко спускались съ горъ, грабили земледѣльцевъ равнины и, обыкновенно благополучно, съ добычей, уходили въ горы. Горы представляли также хорошій пріютъ для всѣхъ гонимыхъ. Немало племенъ и народовъ, обитавшихъ въ равнинѣ, испытавъ нападеніе враговъ, изнемогши въ борьбѣ съ ними, небольшими уцѣлѣвшими кучками уходили въ горы и оставались въ нихъ навсегда. Уходили туда также отдѣльныя семьи, одинокіе бѣглецы. Современемъ на мѣстѣ сакли выросалъ ауль, и въ немъ шевелился новый родъ, новое племя, народецъ, темныя преданія котораго глухо рассказывали о происхожденіи своемъ отъ какого-нибудь мифическаго героя, прибывшаго на Кавказъ изъ „Аравіи“ или „Египта“.

Если еще принять въ расчетъ, что сама природа горъ такова, что разъединяетъ, а не соединяетъ людей, то станетъ понятно, почему въ Кавказскихъ горахъ сидитъ такое множество народцевъ и племенъ. Каждая долина—закоулокъ. Часто изъ нея только одинъ выходъ, и со всѣхъ сторонъ, точно стѣнами, она окружена горными кряжами. Перебраться изъ одной долины

Аулъ Местія въ Сванеті. (Фотографія).

въ другую—цѣлое путешествіе, зимой, когда ляжетъ снѣгъ, даже невозможное. Люди поневолѣ жмутся въ горсть. „Свои“ становятся еще ближе „своимъ“, еще замкнутѣе и непріязненнѣе ко всѣмъ чужимъ. Есть въ Дагестанѣ сосѣдніе аулы, гдѣ даже говорятъ разными нарѣчіями.

Но будучи разъединены, люди все же сталкиваются другъ съ другомъ въ горахъ, и сталкиваются чаще всего въ качествѣ враговъ: сколько возникаетъ у нихъ ссоръ изъ-за пастбищъ, изъ-за скота, изъ-за клочковъ пахотной земли и по множеству обидъ, какія возникаютъ среди племенъ первобытныхъ, полудикихъ, при томъ воинственныхъ. Вѣдь, кромѣ рабовъ, никто не ходилъ безъ оружія. При первомъ столкновѣніи, при первой обидѣ, каждый хватался за кинжалъ, а первая пролитая кровь влекла за собой вереницу убійствъ, потому что каждый убитый вопіялъ о мести, и „святое“ право ея падало на его родныхъ и кровныхъ. Въ глухой горный міръ рѣдко проникалъ кто со стороны. Развѣ могли купцы съ товарами пускаться въ путь, чтобы посѣщать эти разбойничьи гнѣзда? Кому была охота рисковать жизнью и состояніемъ ради скудной наживы среди бѣдныхъ дѣтей природы! И сейчасъ въ глухихъ углахъ Сванетіи, Чечни и Дагестана есть селенія, гдѣ люди живутъ совсѣмъ такъ же, какъ жили двѣ, три тысячи лѣтъ тому назадъ. Никакой завоеватель никогда не могъ покорить горцевъ, надолго, ни одинъ честолюбецъ не объединилъ ихъ въ одно государство. Своевольно и розно жили они вѣками, живутъ мѣстами и до сихъ поръ.

Племень горскихъ такъ много, что было бы слишкомъ долго перечислять ихъ. Укажемъ только главные дѣленія, прежде, чѣмъ всмотримся въ ихъ жизнь

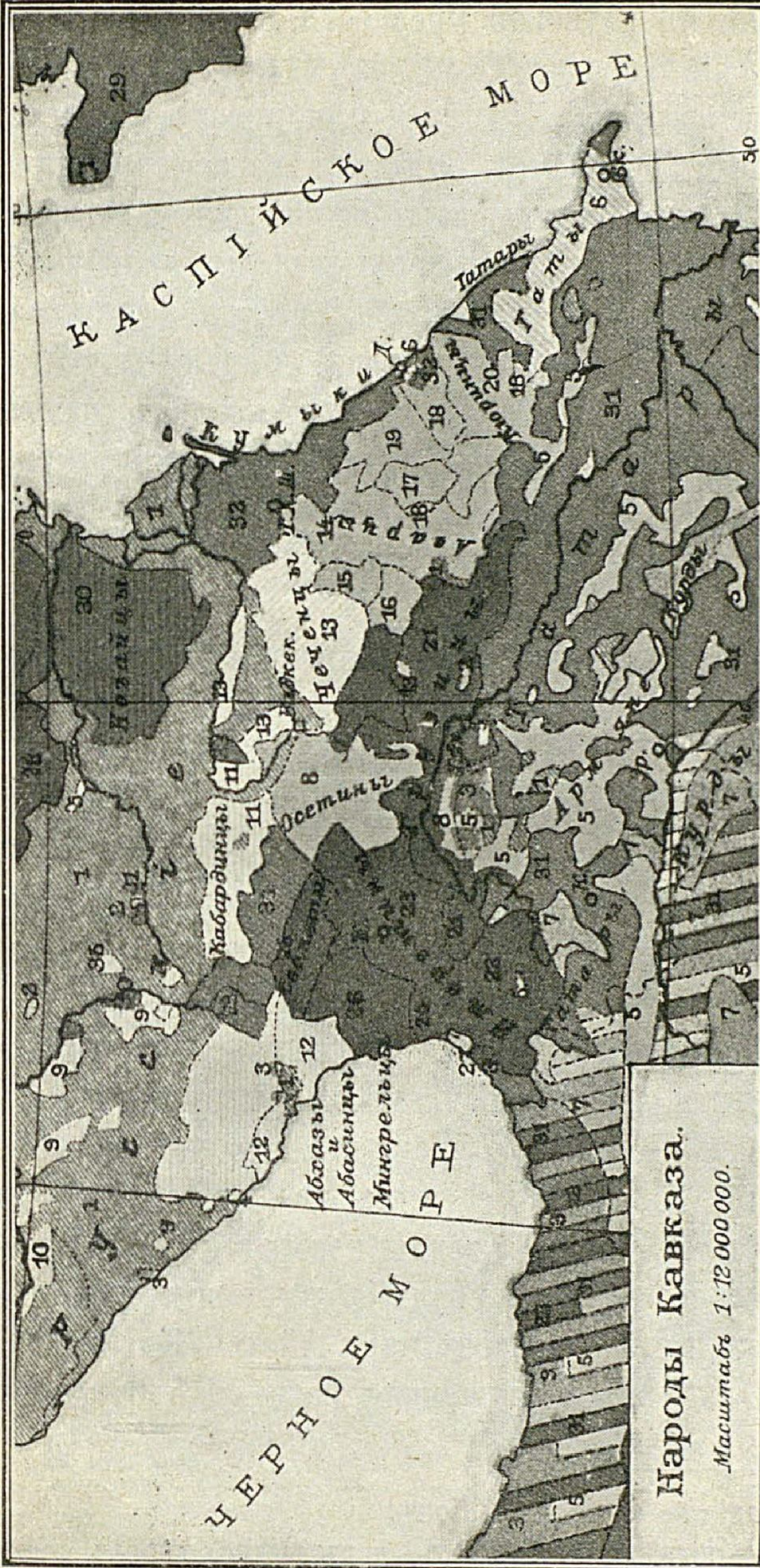
Андійцы изъ с. Дагестана. (Фотографія).

и быть. Быть ихъ настолько сходенъ, что обитателей горъ легче всего различить по языкамъ и происхожденію. Западный Кавказъ занимаютъ разныя племена и колѣна адыге или черкесовъ. Они сидѣли здѣсь съ древности, когда греческіе торговцы, называвшіе ихъ керкетами, зигами, геніюхами, жаловались на творимые ими разбои не только на сушѣ, но и на морѣ. Подобно запорожцамъ, выходили они въ море на долбленыхъ челнахъ, которые прятали въ прибрежной чащѣ, и горе было купцу, который, вмѣсто Херсонеса или Фанагоріи ¹⁾, попадалъ въ ихъ руки.

Самымъ крупнымъ и культурнымъ изъ этихъ племенъ являются кабардинцы. Возлѣ нихъ, въ среднемъ Кавказѣ, обитаютъ нѣкоторыя татарскія народности. Это обрывки, остатки кочевыхъ племенъ, которыя, попавъ въ горы, тутъ и остались. Въ среднемъ Кавказѣ, къ западу отъ Военно-Грузинской дороги, обитаютъ осетины, а восточнѣе ихъ, въ лѣсахъ по Сунжѣ—чеченцы. Восточный Кавказъ, Дагестанъ, населяютъ лезгины. Къ этимъ горскимъ племенамъ съ юга приселялись грузинскія народности, именно сванеты, хевсуры, пшавы, тушины, а въ восточномъ Кавказѣ — персы, евреи, татары.

Самые необузданные несомнѣнно чеченцы, самые бѣдные и жалкіе—сванеты. Болѣе культурными оказываются черкесы. И неудивительно. Ихъ племена обитали въ Западномъ Кавказѣ. Склоны горъ здѣсь мягче по климату, богаче растительностью, а кромѣ того прилегаютъ къ Черному и Азовскому морямъ. Здѣсь, по

¹⁾ Херсонесъ близъ нынѣшняго Севастополя, а Фанагорія на мѣстѣ Керчи были древнія греческія колоніи на Черномъ морѣ.

Народы Кавказа.

Масштабъ 1:12 000 000.

1. Русскіе.—2. Нѣмцы.—3. Греки.—4. Румыны.—5. Армяне.—6. Таты.—7. Кудры.—8. Осетины.—9-10. Черкесы.—11. Кабардинцы.—12. Абхазы.—13. Чеченцы.—14. Аварцы.—15. Андійцы.—16. Дилойцы.—17. Лаки или Казикумыки.—18. Арчинцы.—19. Даргинцы.—20. Кюрины.—21. Грузины.—22. Пшавы, Хевсуры, Тушины.—23. Имеретинцы.—24. Гурійцы.—25. Сванеты.—26. Мингрельцы.—27. Лазы.—28. Киргизы.—29. Туркмены.—30. Ногайцы.—31. Татары.—32. Кумыки.—33. Карачаевцы.—34. Горскіе татары.—35. Эсты.

берегамъ уже въ глубокой древности находились торговые греческіе города. Такъ, на мѣстѣ нынѣшняго Сухума стоялъ городъ Діоскуры или древній Севастополь. Уже тогда туземцы сбывали сюда свои продукты—медь, воскъ, скоть, даже золото, которое добывали въ горныхъ рѣчкахъ простымъ, но оригинальнымъ способомъ: они погружали на дно потоковъ бараньи шкуры, въ войлокѣ которыхъ осѣдали тяжелыя золотыя крупинки, тогда какъ глинистыя и песчаныя частицы уносились быстрымъ теченіемъ. Вотъ откуда и взялось преданіе о походѣ аргонавтовъ, греческихъ героевъ, отправившихся въ Колхиду добывать „золотое руно“.

„Герои плыли—поетъ о нихъ древній поэтъ—, все дальше и дальше, гонимые легкимъ вѣтромъ. Уже показались вдали горы Кавказа, гдѣ Прометей, прикованный къ дикимъ скаламъ желѣзными цѣпями, кормилъ своею печенью орла. Вечеромъ они увидали гигантскую птицу, которая пролетѣла надъ кораблемъ съ большимъ шумомъ подъ самыми облаками, и отъ взмаховъ крыльевъ ея раздувались паруса корабля Арго. Скоро услышали они стоны Прометея. По воздуху неслись плачевные крики, и спустя нѣкоторое время кровожадный орелъ вновь пронесся по небу, возвращаясь тою же дорогою. Ночью пловцы достигли крайнихъ предѣловъ Понта и вошли въ устье Фазиса ¹⁾, волны котораго, бушуя, разступались съ пѣной. По лѣвую руку подымался высокій Кавказъ и стоялъ городъ царя Айэта—Китаисъ ²⁾, направо же виднѣлась священная роща, гдѣ чудовищ-

1) Рѣка Фазисъ—нынѣшній Ріонъ.

2) Китаисъ—нынѣшній Кутаисъ, какъ видно, городъ очень древній.

Осетины.

ная змѣя бдительно сторожила руно, распростертое на пышныхъ вѣтвяхъ дуба“... Миѳы объ аргонавтахъ, о Прометѣѣ, объ амазонкахъ всѣ относятся къ Кавказу. Изъ этого одного уже можно заключить, какъ часто греки посѣщали Кавказъ, какъ хорошо они знали прибрежныхъ жителей, которыхъ описываютъ такими чертами, что и сейчасъ еще многихъ можно узнать. Черезъ Черное море въ Колхиду и Иверію ¹⁾ проникло къ грузинамъ христіанство, а отъ грузинъ его переняли всѣ горскіе народы, потому что преданія ихъ, почитаніе христіанскихъ святынь, какъ св. Георгія, св. Нины, памятники въ видѣ каменныхъ крестовъ, все доказываетъ, что черкесы и даже чеченцы еще недавно были христіане. Изъ нашихъ лѣтописей извѣстно, что русскіе тоже входили въ сношенія съ горцами очень давно. Наши князья сидѣли въ Тмутаракани, въ княжествѣ, находившемся на полуостровѣ Тамани. Хорошо извѣстно, какъ Мстиславъ Удалой вышелъ на единоборство и побѣдилъ касожскаго богатыря Редедю, а вѣдь касоги это нынѣшніе осетины (асы). Много вѣковъ потомъ татары и турки владѣли Кавказскимъ берегомъ. Это было время, когда здѣсь кипѣла оживленная торговля рабами. Кабардинскіе князья появлялись даже при дворѣ Московскихъ государей, и въ русскихъ пѣсняхъ того времени не безъ насмѣшки упоминается о Матрюкѣ Темрюковичѣ.

Несмотря на мирныя и военныя сношенія съ сосѣдями у самихъ черкесовъ никогда не было ни городовъ, ни государства. Племена ихъ издавна дѣлились на

¹⁾ Колхида—нынѣшняя низменность Ріона, а Иверія—Грузія. Греки называли имеретинъ и мингреловъ колхами, а грузинъ—иверами.

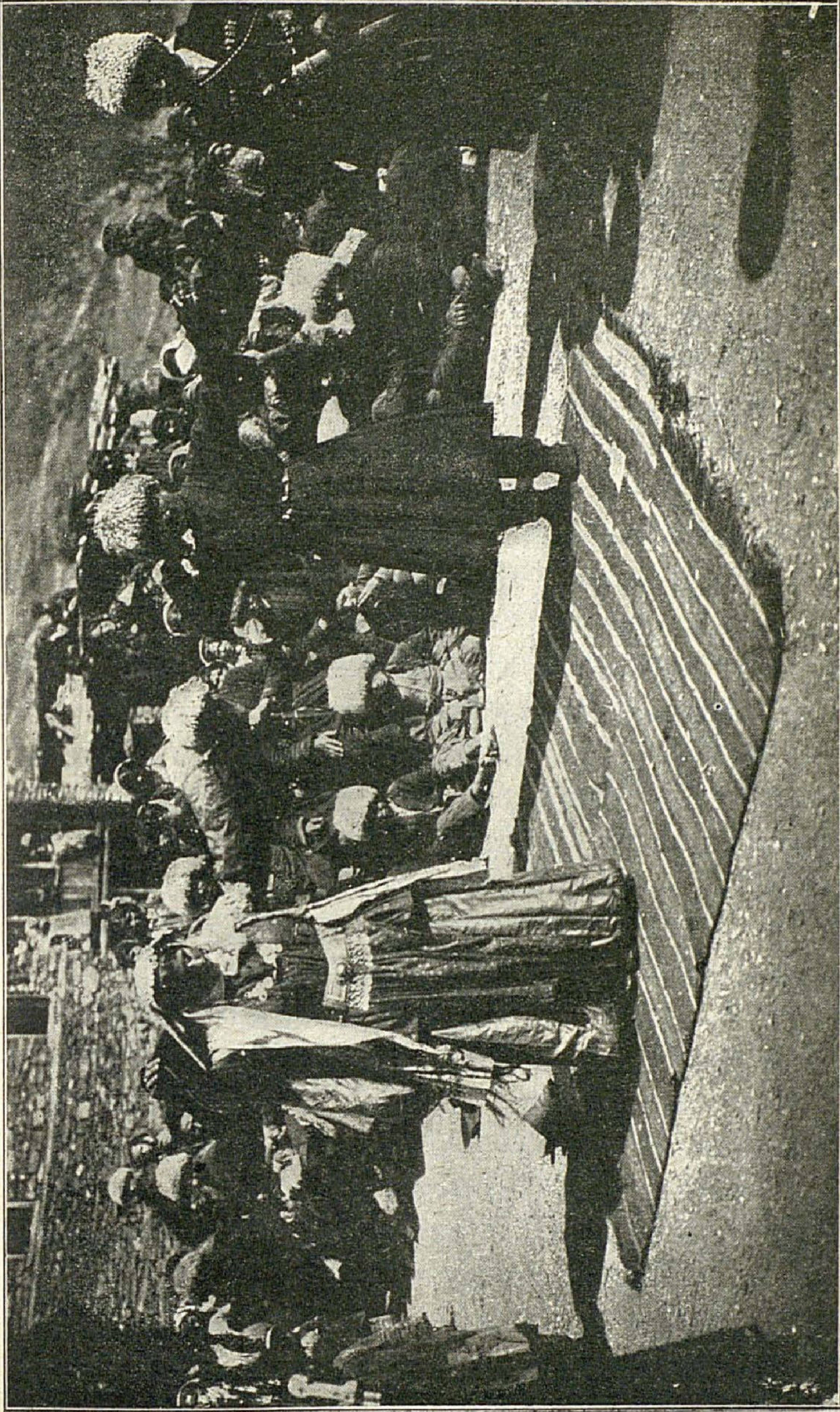

ERNST PLATZ

Сванетъ.

сословія, обыкновенно на четыре: князья, дворяне, крѣпостные и рабы. Князья стояли во главѣ старинныхъ родовъ, имъ принадлежали лучшія земли, которыя они раздавали своимъ приближеннымъ дворянамъ. Землю обрабатывали крѣпостные. Но эти крѣпостные не были собственностью дворянъ и князей, какъ крѣпостные въ Россіи до освобожденія крестьянъ. Крѣпостной „держаль“ наследственно землю и былъ обязанъ князю совершенно опредѣленными повинностями. Если онъ лишался земли, то съ этимъ исчезала и зависимость его отъ князя. По отношенію къ князю крѣпостной долженъ былъ держать себя почтительно, соблюдая обычныя правила. Но и князь, въ свой чередъ, долженъ былъ приходить на помощь крѣпостному въ случаѣ бѣдствія, защищать его отъ враговъ, судить и разбирать тяжбы и обиды, возникавшія между ними. Рабами бывали большею частью военноплѣнные, но и они могли выкупаться на волю.

Но еще крѣпче, чѣмъ отношенія сословныя, были древнія связи—родовыя. Племена дѣлились на роды. Иногда весь ауль состоялъ изъ членовъ одного рода, но чаще въ немъ обитало нѣсколько родовъ. Каждый горецъ (кромѣ рабовъ), будь то князь, уздень или простой человекъ, принадлежалъ къ какому-нибудь роду. Онъ стоялъ за родъ, родъ стоялъ за него. Обида ему была обида всему роду. За преступленіе одного отвѣчалъ весь родъ. Эта древняя родовая связь была, да и до сихъ поръ остается крайне прочной. У горцевъ не было государства, не было писаныхъ законовъ, которымъ всѣ бы подчинялись, потому что есть власть, которая заставитъ повиноваться упрямаго. Древніе обычаи, „адаты“, хранились въ памяти стариковъ и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе устно. По

Лезгинка. (Фотографія).

нимъ рѣшали дѣла и судили тяжбы князя и судьи: дѣлили наслѣдство послѣ умершаго, разбирали споры о землѣ, о кражѣ.

Но вѣдь это происходило только въ томъ случаѣ, если кто жаловался. Всякій горецъ былъ настолько знакомъ съ обычаями, что по многимъ дѣламъ самъ зналъ, какъ ему поступить. Кражи, особенно лошадей и скота, ссоры, убійства происходили часто среди вольныхъ, необузданныхъ дѣтей горъ, тѣмъ болѣе, что у каждаго болтался на поясѣ кинжалъ, винтовка висѣла за плечами. Кто же изъ нихъ не зналъ, не чтить страшный законъ „канлы“ или обычай кровной мести! Кровь убитаго жаждала отмщенія. Духъ его блуждалъ возлѣ аула родичей, и если бы они забыли или не захотѣли отмстить, то злоба его могла обратиться на нихъ, причинить всего роду неисчислимыя бѣдствія. Первое убійство влекло за собой цѣлый рядъ ихъ, ввергало въ долгое междоусобіе роды. Доходило до того, что люди, сами не въ силахъ выносить это напряженное состояніе, шли на мировую, т. е. платили выкупъ за кровь съ тѣмъ, чтобы оба рода примирились и прекратили взаимныя кровопролитія. Но иногда проходили годы, прежде чѣмъ воцарялся миръ. Бывало, что „святая“ обязанность мести передавалась отъ отца къ сыну, къ внуку. Всего строже правила мести соблюдались среди „благородныхъ“.

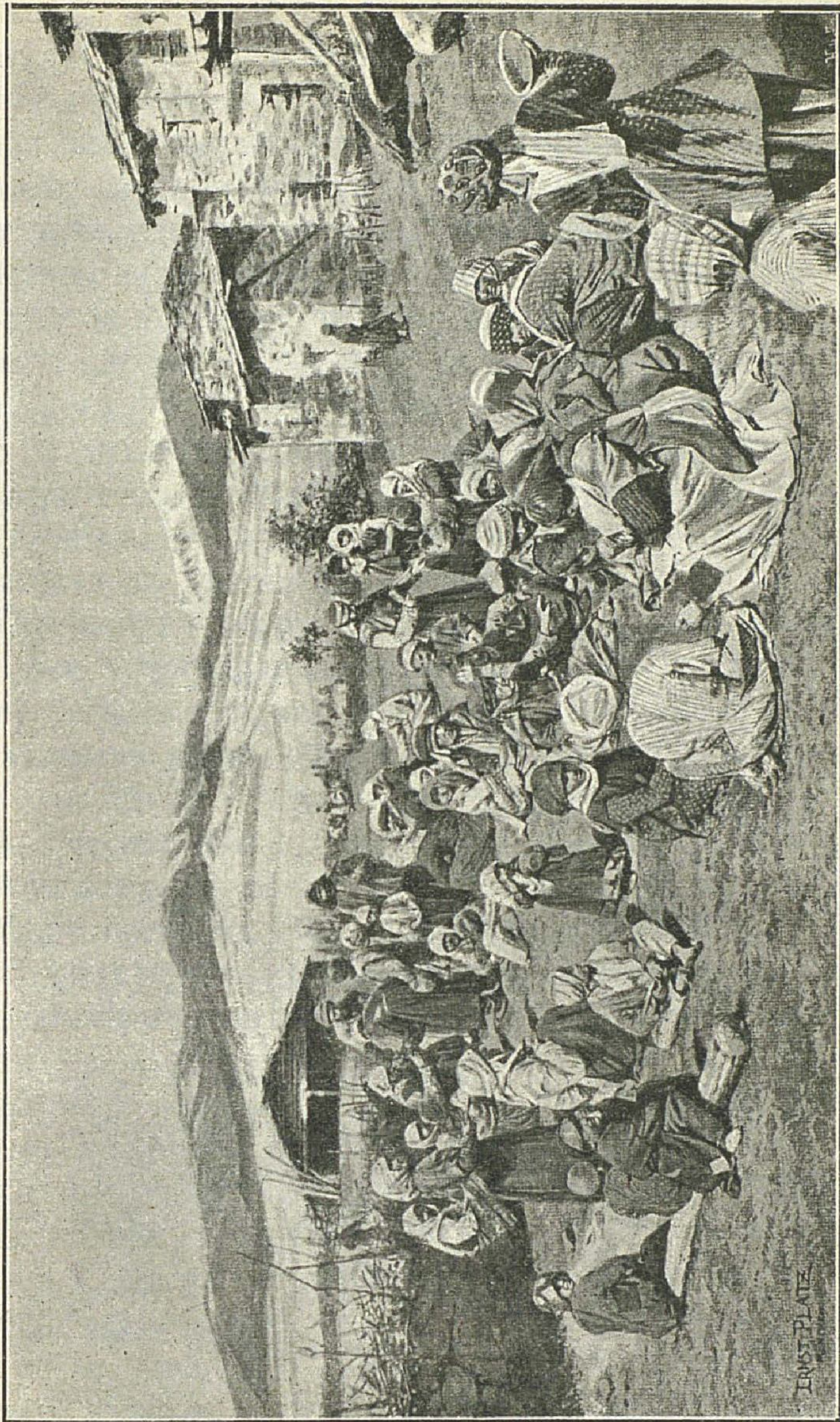
Живой работой крѣпостныхъ, „благородные“ были очень склонны добывать себѣ блага жизни не „златомъ“, котораго у нихъ не было, а „булатомъ“. Поэтому молодецкіе набѣги на сосѣдей составляли, можно сказать, настоящее занятіе многихъ и многихъ. Этимъ не только добывались слава и богатство, этимъ путемъ

храбрый, предприимчивый удалецъ изъ самаго низкаго званія могъ стать равнымъ другимъ. Сколько было поэзіи въ этой жизни! Тутъ и физическое напряженіе, игра ума, рискъ, упоеніе боемъ, опасностью, удачное бѣгство съ добычей, пиры, слава и богатство. Сколько связей, близкихъ, товарищескихъ завязывалось въ этихъ экспедиціяхъ, когда члены шайки прятались, переправлялись подъ покровомъ ночи черезъ рѣку, рыскали въ чужой землѣ, окруженные опасностями. Удачи достигали чаще всего такіа кучки храбрецовъ, гдѣ крѣпче стояли другъ за друга, выручали товарищей. „Джигитъ“, разбойникъ, непременно являлся въ то же время рыцаремъ. У него была „честь“, въ немъ зарождалось благородство. Постыдно ради собственнаго спасенія бросить товарища въ опасности, постыдно быть трусомъ, постыдно быть жаднымъ, скупиться добычей—вѣдь это значило, что джигитъ не увѣренъ въ себѣ, не надѣется „заработать“ въ слѣдующій разъ еще больше. Уважая, прославляя мужество, щедрость, благородство, вѣрность слову, могли джигитъ не цѣнить тѣхъ же качествъ во врагѣ! И вотъ храбрый врагъ, чужой, иновѣрецъ невольно становится джигиту ближе „своего“.

Вѣчныя ссоры и счеты всегда дѣлали дороги въ горахъ опасными. Боялись встрѣчи не только съ чужими, но и со своими. Чуть не каждый обитатель аула бывалъ замѣшанъ въ какой-нибудь ссорѣ уже потому, что онъ принадлежалъ къ какому-нибудь роду. Всѣ носили оружіе, всегда держали его наготовѣ. Понятно, что выше всего цѣнили коня и доброе оружіе. Развѣ не конь, быстрый, какъ вѣтеръ, неутомимый и вѣрный, позволить нагнать убѣгающаго, вынесетъ джигита изъ сѣчи, не поскольз-

нется, какъ вихрь умчить отъ погони. „Коня, полцарства за коня“ могъ бы смѣло сказать каждый джигитъ. Послѣ коня—оружіе. Шашка и кинжалъ изъ лучшей, самой твердой стали. Хорошо умѣть биться въ рукопашномъ бою, но вѣрная рука нуждается въ вѣрномъ оружіи. Нужна и винтовка, мѣткая, дальнобойная. Съ какимъ чувствомъ глядитъ джигитъ на своего коня, на оружіе! Развѣ не превращаются эти вещи въ его глазахъ въ самое цѣнное, любимое. Каждый взглядъ на нихъ будитъ воспоминанія бранныхъ встрѣчъ, пережитыхъ опасностей, удачныхъ грабежей. Поэтому первыя заботы джигита принадлежатъ коню и оружію. Коня холятъ и берегутъ отъ дурного глаза и конокрада. Оружіе покрываютъ украшеніями, чистятъ, заботливо смазываютъ.

Послѣ коня и оружія лучшія привязанности джигита принадлежатъ другу или друзьямъ — боевымъ товарищамъ, „кунакамъ“. Кунакъ — побратимъ, больше чѣмъ братъ. Лучшая комната въ домѣ — кунацкая. Для кунака ничего не жалко. Не только за кунака — за простого гостя хозяинъ долженъ лечь костью, а не дать его въ обиду. Убійство гостя— вещь небывалая. Случалось, что гостемъ оказывался злѣйшій врагъ, но хозяинъ принималъ его, охранялъ, а нападеніе совершалъ лишь послѣ того, какъ пришелецъ покидалъ гостепріимный кровъ. Хозяинъ не только обязанъ принять, угощать и охранять гостя, онъ долженъ проводить его и передать въ цѣлости сосѣдямъ. Этимъ кончался его священный долгъ, и ничто уже не мѣшало ему со спокойной совѣстью устроить засаду и подстрѣлить челоуѣка, за цѣлость котораго онъ самъ только-что готовъ былъ сложить собственную голову.

Поминки въ Сванетіи.

ERNST PLATE

Обычай, сложившіеся среди событій и тревогъ безпокойной боевой жизни, приняла у аристократическихъ черкесовъ видъ сложнаго рыцарскаго кодекса. Князья и дворяне, особенно кабардинскіе, хранили эти традиціи. Въ ихъ зажиточныхъ и часто даже богатыхъ домахъ сложился и внѣшній этикетъ и богатый, красивый костюмъ, особое щегольство, тонкое и изящное, которое едва ли можно было перенять, не воспитавшись въ этой средѣ. Убранство коня, посадка, джигитовка, костюмъ, особенно оружіе, подогнанное ловко и удобно, всѣ движенія джигита, рѣчи и манеры составляли предметъ сложнаго воспитанія. И такъ какъ въ разныхъ семьяхъ родители не всегда чувствовали себя въ состояніи, по мягкости ли чувствъ къ дѣтямъ, за недосугомъ или по другимъ причинамъ, дать мальчику соотвѣтствующее достоинству семьи и рода воспитаніе, то у черкесовъ развился обычай отдавать сыновей на воспитаніе достойнымъ и опытнымъ людямъ. Такой воспитатель назывался аталыкъ.

Военныя доблести и рыцарство нисколько не мѣшали, скорѣе даже способствовали самому унижительному положенію женщинъ. Насколько радостно встрѣчалось рожденіе мальчика, будущаго джигита и продолжателя рода, настолько же равнодушно относились къ появленію на свѣтъ дѣвочки. Самое большее, что можно было ожидать отъ нея въ будущемъ—это получить „калымъ“, т. е. плату за дѣвушку-невѣсту, такъ какъ бракъ представлялъ у всѣхъ горцевъ своего рода куплю. Такъ какъ вся тяжесть домашнихъ работъ лежала на женщинахъ, то естественно, что каждая семья, каждый родъ цѣнилъ своихъ женщинъ главнѣйше, какъ работницъ. Если кто бралъ дѣвушку замужъ, онъ лишалъ семью работницы, а потому долженъ былъ

внести за нее соотвѣтствующую сумму, которая исчислялась прежде скотомъ.

Какъ ни просто хозяйство горцевъ, но и оно нуждается во множествѣ предметовъ: убранство дома, приготовленіе пищи, уходъ за домашней скотиной въ хлѣву, изготовленіе одежды, обуви, уходъ и воспитаніе за маленькими дѣтьми, стирка, доставка воды— все это предоставлялось женщинамъ, и ко всѣмъ работамъ ихъ надлежало приучить съ дѣтства. Работы эти раздѣляли съ ними слуги и рабы. Такъ какъ прежде рабовъ и рабынь доставляли набѣги, то женщинъ мало цѣнили даже какъ работницъ. Дѣвушекъ охотно продавали въ Турцію, такъ что на Кавказскомъ берегу торговля черкесскими дѣвушками имѣла видъ всякой другой правильной торговли. Сами дѣвушки охотно шли въ неволю. Изъ рассказовъ онѣ знали, что жить въ турецкомъ гаремѣ имъ будетъ не только не хуже, но, пожалуй, лучше, чѣмъ дома, гдѣ за короткой и безрадостной юностью потянется жизнь, исполненная тяжелой работы, снисходительнаго презрѣнія и отлученія отъ всего близкаго и дорогого: мужъ вѣчно съ пріятелями или въ отлучкѣ, дѣти, именно мальчики, отданы на воспитаніе въ чужія руки.

Кромѣ купли существовалъ еще обычай увоза невѣсты. Въ древнія времена всѣ воровали себѣ женъ, такъ какъ обычай запрещалъ брать жену изъ своего рода. Это тоже давало поводъ къ разнымъ ссорамъ и счетамъ между родами и племенами. Даже теперь, когда жену приобретаютъ въ обмѣнъ на калымъ, свадьба празднуется такъ, какъ если бы женихъ „выкрадывалъ“ невѣсту,— съ притворнымъ преслѣдованіемъ, пальбой, примиреніемъ, и т. п. Одно, о чемъ всегда заботились, это чтобы

не выдать дочь за челоуѣка низкаго происхожденія, не унижить семью подобнымъ родствомъ.

Когда-то всѣ горскія племена исповѣдывали христіанство. Надо правду сказать—это было не христіанство, а смѣсь древнихъ суевѣрій, обычаевъ, обрядовъ съ христіанскими вѣрованіями и обрядами. Древнія вѣрованія горцевъ представляли темное и смутное поклоненіе предкамъ и духамъ, въ какихъ народная память превращала образы древнихъ родоначальниковъ или героевъ. Были въ горахъ „святыя“ мѣста, есть они и теперь у болѣе захолустныхъ обитателей. Это какая-нибудь дубрава, цѣлебный источникъ съ часовней. Сюда стекались со своими приношеніями больные, несчастные, обокраденные, обиженные. Охотники для удачи приносили сюда охотничьи трофеи—рога туровъ, козъ. Въ урочные дни сюда собирались для жертвоприношеній и общественныхъ пиршествъ съ празднествомъ—джигитовкой, играми, плясками. Когда къ горцамъ проникло изъ Грузіи христіанство, эти урочища превратились въ христіанскія святыни—здѣсь появились часовни, кресты, службу стали отправлять священники.

Но развѣ христіанство годилось для этихъ необузданныхъ людей, погруженныхъ въ междоусобія, войны и набѣги, управляемыхъ жестокими обычаями, вродѣ канлы? Оно совершенно не соотвѣтствовало ни характеру, ни складу жизни горцевъ. Принять гостя, принести въ жертву св. Георгію или Ильѣ барана—это можно, но считать убійство за смертный грѣхъ, отказаться отъ мести, удержаться отъ грабежа, кражи, не видѣть въ этомъ удали, молодечества, горцы не могли. Поэтому, когда сосѣдями ихъ оказались крымскіе татары, турки, и даже раньше, когда въ восточное Закавказье проникли охваченные религіознымъ пыломъ ара-

бы, въ горахъ сталъ распространяться исламъ, появились учителя и проповѣдники его—муллы. Наступало время, когда народные обычаи, адаты, не могли быть годными для всѣхъ случаевъ жизни, требовались новыя правила. И вотъ вмѣстѣ съ исламомъ появился первый писанный законъ. Его издали не князья, не люди, которымъ никто вѣдь не обязанъ повиноваться въ такихъ дѣлахъ. Его, этотъ законъ, далъ людямъ самъ Богъ черезъ своего пророка, который изложилъ его въ священной книгѣ, въ Коранѣ. Муллы, истолкователи этого закона, сами собой стали и судьями—кадіями. Такъ понемногу многіе старыя адаты стали замѣняться шариатомъ, т. е. писаными правилами общежитія, изложенными въ Коранѣ. Исламъ болѣе соответствовалъ обычаямъ и нравамъ горцевъ: онъ вѣдь признавалъ невѣрныхъ, „гяуровъ“, требовалъ даже священной войны противъ нихъ, „хазавата“. А кто же были обитатели подножій Кавказа—казаки, грузины, русскіе солдаты и поселенцы, какъ не гяуры! Тѣмъ болѣе, что гяуры эти надвигались все плотнѣе, вторгались въ самыя горы и въ концѣ концовъ потребовали полной покорности. Хотя горцы отнеслись вначалѣ къ исламу столь же равнодушно, какъ къ христіанству, но потомъ въ ученіи его они почувствовали нѣчто такое, что можетъ соединить ихъ для отраженія общей опасности. Опасностью этой являлось нашествіе русскихъ, покореніе Кавказа.

Чего, казалось бы, надо было русскимъ въ глубинѣ горъ, спрашивали себя горцы, оглядываясь на свою убогую жизнь. Дѣйствительно, за исключеніемъ князей и дворянъ, земли которыхъ лежали болѣею частью въ плодородныхъ мѣстахъ при подножіяхъ хребта, жизнь большинства горцевъ была проста и незавидна.

Всѣ они живутъ селеніями, аулами. Старыя аулы

располагались обыкновенно въ труднодоступныхъ мѣстахъ, такъ какъ не имѣли для своей защиты ни частокола, ни стѣнъ. По склонамъ горы лѣплятся вдоль узкихъ, кривыхъ улицъ и переулковъ хижины обитателей. Само собой выходитъ такъ, что крыша нижней сакли служить дворомъ или балкономъ для вышестоящей. Весь аулъ поэтому нерѣдко подобенъ громадной, неправильной лѣстницѣ. Въ западномъ Кавказѣ, особенно на черноморскомъ склонѣ, гдѣ растительность богата и пышна, строятъ изъ досокъ и балокъ, а стѣны дѣлаютъ изъ плетня, обмазывая его глиной. Помѣщенія для скота, разныя загородки—тоже плетни. Но большею частью сакли возводятъ изъ сырцовыхъ кирпичей или изъ камней, скрѣпленныхъ глиной, у богатыхъ известью, и только потолки состоятъ изъ бревенъ, крытыхъ дранью, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ плитками сланца или утрамбованной глиной. Часто низъ жилья наполовину вырытъ въ горѣ. Комнаты въ саклѣ разной величины, у бѣдныхъ часто одно общее помѣщеніе со скотомъ, или оно едва отдѣлено отъ хлѣва.

Если хозяинъ зажиточный и мусульманинъ, домъ раздѣленъ на двѣ половины. На мужской лучшая комната, гдѣ хозяинъ проводитъ все свободное время,—кунацкая. Здѣсь, на широкихъ тахтахъ, раскиданы подушки, ватныя одѣяла, узорно вышитыя шелками. На стѣнахъ развѣшено оружіе, на полахъ ковры. Ъдятъ за низенькими столиками по восточному руками, умывая ихъ послѣ ѣды. Часто многія помѣщенія совсѣмъ темныя или полутемныя, освѣщенные днемъ черезъ открытую дверь. Мебели нѣтъ, спятъ и сидятъ на полу. Столы, стулья и кровати въ обычаѣ лишь у осетинъ. Въ большой комнатѣ, гдѣ готовятъ пищу, главное мѣсто—очагъ, т. е. мѣсто для огня, надъ кото-

рымъ свѣшивается на цѣпи съ потолка большой котелъ. Очагъ и цѣпь—священные предметы. Это символы семьи и рода. Во многихъ мѣстахъ клянутся и присягаютъ, касаясь рукой этой цѣпи, ее же цѣлуетъ новобрачная, вступая въ первый разъ въ домъ мужа. Зимой и вечеромъ внутренность освѣщается огнемъ очага, вокругъ котораго собирается семья. Въ другихъ помѣщеніяхъ, если не обзавелись керосиновыми лампами, свѣтятъ лучиной, горящей въ особой металлической чашкѣ. Посуда имѣетъ восточный фазонъ—громадные глиняные кувшины, въ которыхъ женщины носятъ воду, красивые металлическіе кувшины для воды и напитковъ, съ узкимъ горлышкомъ, съ изогнутымъ носикомъ, все въ орнаментахъ и насѣчкахъ.

Всего любопытнѣе горская одежда и украшенія, какими бывають покрыты оружіе и цѣнные предметы. Богатый кабардинскій нарядъ въ высшей степени изященъ и живописенъ какъ подборомъ цвѣтовъ, фазономъ, такъ и множествомъ узорныхъ галуновъ, серебряными съ чернью пряжками, скобками, „хозырями“, (такъ называются трубки, гдѣ въ прежнія времена помѣщались приготовленные для быстраго снаряженія винтовки заряды—порохъ, пули, пыжи; теперь ихъ носятъ для щегольства). Особенно красивъ конный: уздечка, сѣдло и стремяна, самъ всадникъ въ заломленной папахѣ на горячемъ конѣ—все вмѣстѣ представляетъ нѣчто цѣльное, изящное. Сразу чувствуется, что всѣ мелочи убора и костюма слагались воедино вѣками, пока не получился образъ коннаго джигита, лихой и граціозный. Можно сказать, что нигдѣ въ мірѣ, кромѣ развѣ у арабовъ, жизнь не создала типа всадника, подобнаго кавказскому. До сихъ поръ конь и оружіе—предметъ желаній, зависти, похвалъ. До сихъ поръ

кража добраго коня, хорошаго ружья—не позорное преступленіе, а дѣяніе, отъ котораго не страдаютъ укорами совѣсти. Случается, что хозяинъ, какой-нибудь князь, принимая гостя, предупреждаетъ его: „меня убьютъ, а ты цѣль будешь, но за коня и винтовку—не ручаюсь“.

Воинственные и рыцарскіе нравы были всего болѣе развиты у черкесскихъ племенъ. Абхазцы, племена татарскаго происхожденія и осетины меньше проявлялись на этомъ поприщѣ, чѣмъ черкесы и кабардинцы, а затерянные въ самой глубинѣ горъ сванеты жили и живутъ, какъ жалкіе убогіе дикари. Вольные сванеты, аулы которыхъ, настоящія крѣпости изъ камня, ютятся чуть не подъ самыми снѣгами въ истокахъ Ингура, только и имѣютъ, что волю, бѣдную, грубую волю—слишкомъ трудно было покорить ихъ.

Съ западнаго Кавказа, отъ жилищъ кабардинскихъ князей, подобно горнымъ орламъ, перенесемся на восточный Кавказъ, въ Чечню и Дагестанъ. Здѣсь обитаютъ такіе-же горцы—племена чеченцевъ и лезгинъ. Каменные аулы съ одно и двухэтажными саклями, съ крутыми грязными переулками, также лѣплятся по кручамъ горъ или прячутся въ глубинѣ ущелій; быть и нравы этихъ горцевъ въ общемъ тѣ же. Но жители грубѣе, бѣднѣе и болѣе дики. Особенно надо это сказать про чеченцевъ или нахче (такъ они называютъ себя). Чечня—это крайне лѣсистый недоступный уголокъ Кавказа; вдобавокъ и культурныхъ сосѣдей у чеченцевъ никогда не было. Позади на югѣ высятся снѣговья горы, отрѣзающія край отъ Грузіи; съ востока залегъ упрямый, дикій Дагестанъ, а съ сѣвера и запада вдоль Терека и Сунжи протянулись казачьи станицы. Лѣсныя дебри составляли хорошую защиту отъ нападеній, но плохо обрабо-

танная почва давала скудное пропитаніе. Все здѣсь

Кабардинцы.

сѣрѣе, проще. И весь народъ чеченскій дикъ и грубъ. Нѣтъ у нихъ сословій, нѣтъ князей и властителей.

„Мы всѣ князья, мы всѣ уздени“, говорятъ они. Одни только рабы, плѣнные, не пользовались свободой и составляли полную собственность хозяина. Старые обычаи или адаты, „канлы“, разбои и кражи вѣчно кипѣли среди племенъ. Самые отчаянные грабежи, дерзкіе набѣги, жестокая расправа, хищничество всякаго рода являлись, такъ сказать, чеченской спеціальностью.

„Не хотите ли, добрые молодцы, я спою вамъ нашу родную пѣсенку,—поется въ одной чеченской пѣснѣ,—какъ искры сыпятся отъ булата, такъ мы разсыпались отъ Турпаль Нахчу¹⁾. Родились мы въ ту ночь, когда отъ волчицы рождаются щенки, имена намъ даны были въ то утро, когда ревѣлъ барсъ. Такими произошли мы отъ праотца Турпаль Нахчу...

Еще въ большей бѣдности и простотѣ пребываютъ лезгины Дагестана. Вѣдь страна ихъ хуже Чечни—нѣтъ лѣсовъ, пастбища скудны. Подобно чеченцамъ, лезгины не знали власти надъ собой, были такъ же демократично равны и вольны. Но сосѣдство Каспійскаго побережья съ его старинными городами, со старинной дорогой, которая вела на сѣверъ мимо Дербента, оказало большое вліяніе на этихъ способныхъ горцевъ. Къ нимъ рано проникъ исламъ, сюда доходили разныя ученія его, появлявшіяся впоследствии. Сосѣдство торговыхъ татарскихъ ханствъ (Тарки, Каракайтагъ и другія) открывало просторъ промышленной дѣятельности, и лезгины рано славились, какъ превосходные оружейные мастера, какъ ювелиры.

Вотъ въ этихъ-то глухихъ аулахъ Кавказа, въ Дагестанѣ и Чечнѣ возникло религіозное движеніе, пламенемъ котораго эти бѣдные горцы много

¹⁾ Имя ихъ миѳическаго родоначальника.

лѣтъ воодушевляли себя на борьбу съ надвигавшимся владычествомъ Россіи. Какъ ни голодно, какъ ни опасно отъ взаимныхъ дрязгъ жилось имъ въ родныхъ горахъ, но когда появился господинъ, который началъ мѣшать имъ жить по своему, по обычаямъ отцовъ, необузданный духъ племень не могъ примириться съ подобной участью. Управители Кавказа и подчиненные имъ генералы смотрѣли на горцевъ, какъ на дикарей, съ которыми нечего было церемониться. Хотя набѣги и разбои горцевъ были тягостны, но надо сказать правду—набѣги казаковъ на горцевъ, экспедиціи войскъ въ горы тоже доставляли добычу и награды. Трудно сказать, кто кого больше обижалъ, несомнѣнно только, что казаки очень часто занимались грабежомъ вмѣстѣ съ кунаками горцами и у своихъ и у чужихъ, а добычу дѣлили пополамъ. Къ горцамъ не примѣняли общихъ законовъ, съ ними расправлялись просто. „Въ случаѣ воровства каждое селеніе обязано выдать вора, а если онъ спрятался, то его семейство. Но если жители дадутъ средство къ побѣгу всему семейству вора, то цѣлое селеніе предается огню“... „Если окажется, что жители безпрепятственно пропустили хищниковъ и не защищались, то деревня истребляется, женъ и дѣтей вырѣзываютъ“... Отъ пограничныхъ племень постоянно требовали заложниковъ, молодыхъ людей изъ вліятельныхъ семействъ. При малѣйшемъ случаѣ заложниковъ вѣшали или ссылали въ Сибирь ¹⁾. О томъ, чтобы познакомиться съ обычаями горцевъ и замирить ихъ, примѣняясь къ укладу ихъ жизни, къ понятіямъ и вѣрованіямъ, не было, конечно, и рѣчи.

¹⁾ Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Т. VI стр. 302—303.

Изъ описаній очевидцевъ хорошо извѣстно также, что экспедиціями для наказанія хищниковъ-горцевъ нерѣдко пользовались, чтобы получить отличія, выслужиться ¹⁾. Испытывая стѣсненія, несправедливости и наказанія, горцы свирѣпѣли. Страшные слухи и вѣсти о томъ, что всѣхъ возьмутъ въ солдаты, крестятъ и т. п. легко распространялись среди нихъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ Дагестанѣ, какъ огонь по сухимъ кустарникамъ, быстро стало распространяться ученіе мюридизма, занесенное сюда изъ далекой Бохары.

Мюридъ это членъ какъ бы монашескаго ордена, обязанный полнымъ повиновеніемъ своимъ духовнымъ руководителемъ. Мюридъ, днемъ ли, ночью ли, долженъ быть занятъ служеніемъ Господу; онъ долженъ стараться замѣнить свои дурныя наклонности хорошими, обращаться всѣми помыслами къ Богу, отказаться отъ всего, что соблазняетъ челоуѣка, освободить себя отъ подчиненія тѣлеснымъ потребностямъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ, долженъ поставлять себя ниже всякой божьей твари, такъ чтобы самый сильнѣйшій вельможа, самый несчастный сирота казались ему совершенно равными. Мюридъ обязывается привязать сердце къ одному изъ истинныхъ шейховъ, который провелъ большую часть своей жизни въ униженіи тѣла.

Когда среди жителей Дагестана широко распространилось это религіозное ученіе, стало возможнымъ проповѣдывать „хазавать“, войну на жизнь и смерть съ невѣрными, т. е. съ русскими. Дагестанъ заволновался. Но первыя возстанія не имѣли большого успѣха, пока

¹⁾ Л. Толстой. Кавказскіе рассказы: Набѣгъ, Рубка лѣса, Казаки, Хаджи-Муратъ.

во главѣ движенія не сталъ лезгинъ изъ аварскаго племени по имени Шамиль. „Шамиль былъ человекъ ученый, набожный, проицательный, храбрый, мужественный, рѣшительный и въ то же время хорошій наѣздникъ, стрѣлокъ, пловецъ, борецъ, бѣгунъ, однимъ словомъ—никто ни въ чемъ не могъ состязаться съ нимъ“, такъ описываетъ этого замѣчательнаго человека его сподвижникъ. И это совершенная правда. Шамиль не только сумѣлъ воодушевить горцевъ на борьбу, онъ организовалъ ихъ для нея. Онъ устроилъ правильный сборъ налоговъ, ставилъ управителей (наибовъ) и судей, завелъ армію, даже снабжалъ отряды пушками. Въ теченіе 27 лѣтъ, отъ 1832 до 1859 г. лучшіе русскіе генералы и лучшія войска ничего не могли подѣлать съ Шамилемъ. Вскорѣ онъ оказался не только властителемъ восточнаго Кавказа, но поднялъ горцевъ западнаго Кавказа, и не разъ русскія войска, неосторожно углубившись въ горы, терпѣли настоящія пораженія. Но въ концѣ концовъ силы горцевъ были исчерпаны. Одно племя за другимъ, въ жаждѣ покоя, измѣняло знаменитому имаму, тѣмъ болѣе, что русскія власти, испытавъ, что значитъ война въ горахъ, стали дѣйствовать на горцевъ болѣе мирными средствами.

Въ 1859 г. Шамиль, отступая съ горстью вѣрныхъ мюридовъ все глубже въ горы, заперся въ аулѣ Гунибѣ въ серединѣ Дагестана, но окруженный русскими войсками долженъ былъ сдаться. Долго еще волновались отдѣльныя племена, особенно въ западномъ Кавказѣ, но когда, дабы усмирить горцевъ навсегда, ихъ стали выселять изъ горъ въ равнину, большинство рѣшило лучше уйти совсѣмъ, чѣмъ покориться. Сотни тысячъ черкесовъ и абхазцевъ ушли съ семьями въ единовѣрную имъ Турцію, остальные переселились и примирились со

своей участію. Теперь охотникъ, блуждая въ горныхъ лѣсахъ западнаго Кавказа, часто натывается на заросшіе дикимъ бурьяномъ покинутые черкесскіе сады. Старики еще помнятъ мѣста, гдѣ когда-то стояли ихъ родные аулы, и съ грустью указываютъ ихъ, вспоминая невозвратное прошлое.

Жители Закавказья.

Закавказье и его народности: картвелы, армяне, закавказскіе татары.—Мелкія племена.—Русскіе колонисты: молокане и духоборы.

Изъ города Владикавказа черезъ хребты горъ по ущельямъ Терека ведетъ въ Грузію знаменитая Военно-Грузинская дорога. Она существовала давно, еще въ тѣ времена, когда по ней на сѣверъ прошли алланы ¹⁾. Постепенно ее улучшали грузинскіе цари, которые построили вдоль нея много сторожевыхъ и защищенныхъ башенъ. Изъ нихъ одна, развалины которой виднѣются на утесѣ близъ Даріала, называется по преданію „башней царицы Тамары“. Когда Грузія оказалась присоединенной къ Россіи, русское правительство обратило особенное вниманіе на улучшеніе этого пути, такъ какъ это была единственная дорога во вновь присоединенныя владѣнія по ту сторону Кавказа. Нѣсколько

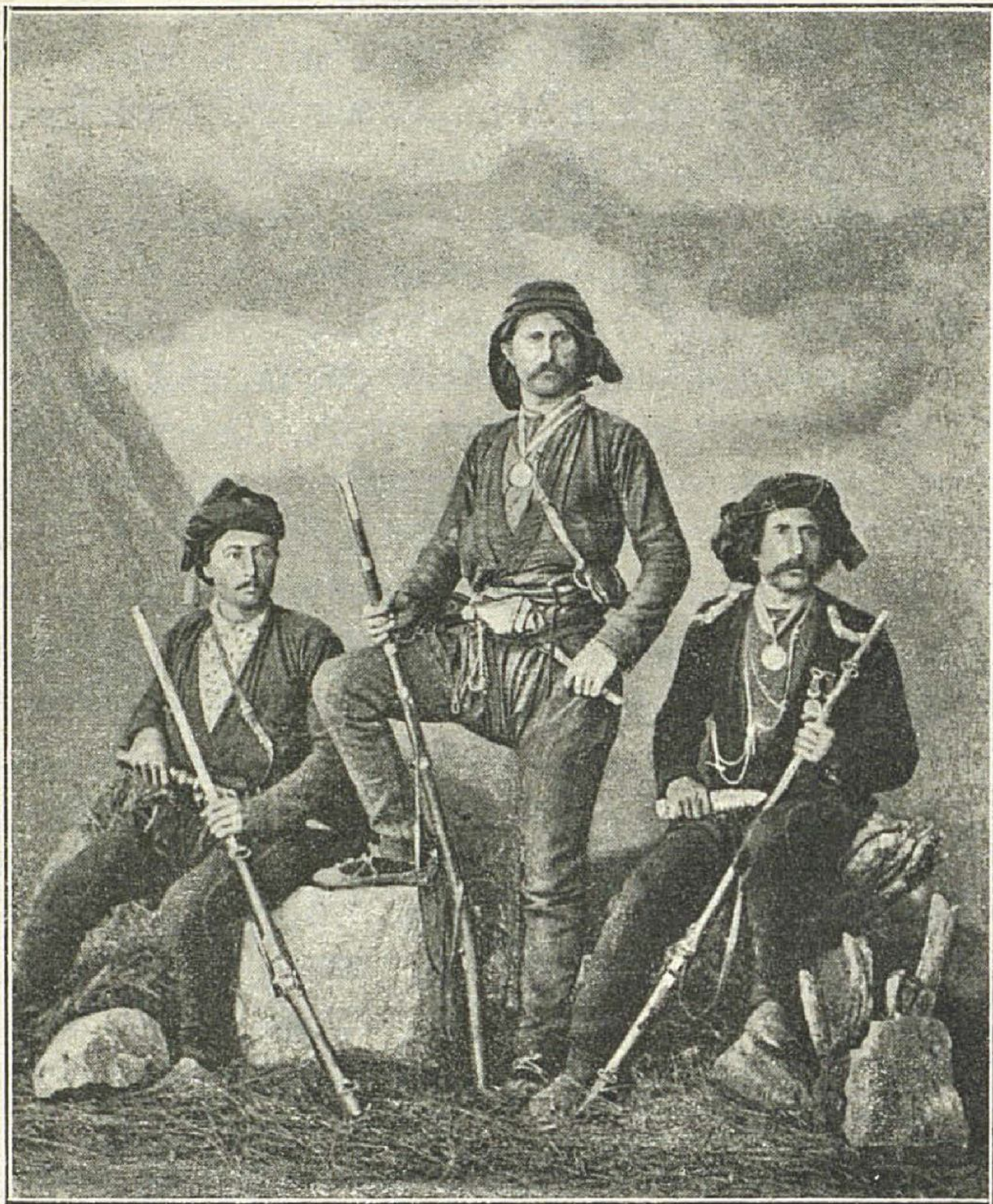
¹⁾ Поэтому главное ущелье Терека—Даріаль получило свое арабское названіе—Даръ-и-аланъ, т. е. „ворота алланъ.“ Алланы были кочевники, населявшіе степи южной Россіи раньше печенѣговъ.

войнъ пришлось вести съ персами, съ турками, прежде чѣмъ за Россіей было обезпечено громадное Закавказье—Грузія съ Гуріей, Имеретіей и Мингреліей, часть Арменіи и разныя мелкія татарскія ханства, располагавшіяся въ сосѣдствѣ Каспійскаго моря.

Теперь нѣтъ и помину ни объ этихъ ханствахъ, ни о царствѣ Грузинскомъ и Мингрельскомъ. Весь край поделенъ на губерніи и управляется, какъ и другія части имперіи. Сюда проникло множество русскихъ, иностранцевъ. Отъ моря до моря протянулась желѣзная дорога. Въ Баку, въ Батумѣ и Поти кипитъ оживленная, промышленная дѣятельность. Тифлисъ, громадный городъ, собирается обогатиться университетомъ. Словомъ, перемѣны бросаются въ глаза на каждомъ шагу. А все-таки Закавказье представляетъ своеобразный цвѣтной міръ, уголь Азіи, скопище народовъ, живущихъ по восточному, изъ которыхъ каждый продолжаетъ сохранять свои особенности. Здѣсь нѣтъ уже такого раздробленія на племена, какъ въ горахъ Кавказа. Здѣсь обитаетъ нѣсколько большихъ народовъ съ древней культурой, каждый со своей исторіей, имѣющихъ свой языкъ, литературу, даже свою особую религію. А древность этихъ народовъ такова, что упоминанія о нихъ встрѣчаются въ первыхъ греческихъ мѣтахъ, въ клинообразныхъ надписяхъ, начарапанныхъ ассирійскими царями на вершинахъ скалъ. Однихъ древніе называли иверами и колхами, другихъ—армянами. Потомки ихъ населяютъ Закавказье и теперь. Грузины, имеретины, мингрелы и гурійцы ¹⁾ принадлежатъ къ одной большой народности картвельской. Картвелы—древніе иверы и колхи.

¹⁾ Также сванеты, хевсуры, тушипы, пшавы, обитающіе въ горахъ южнаго склона Кавказскаго хребта.

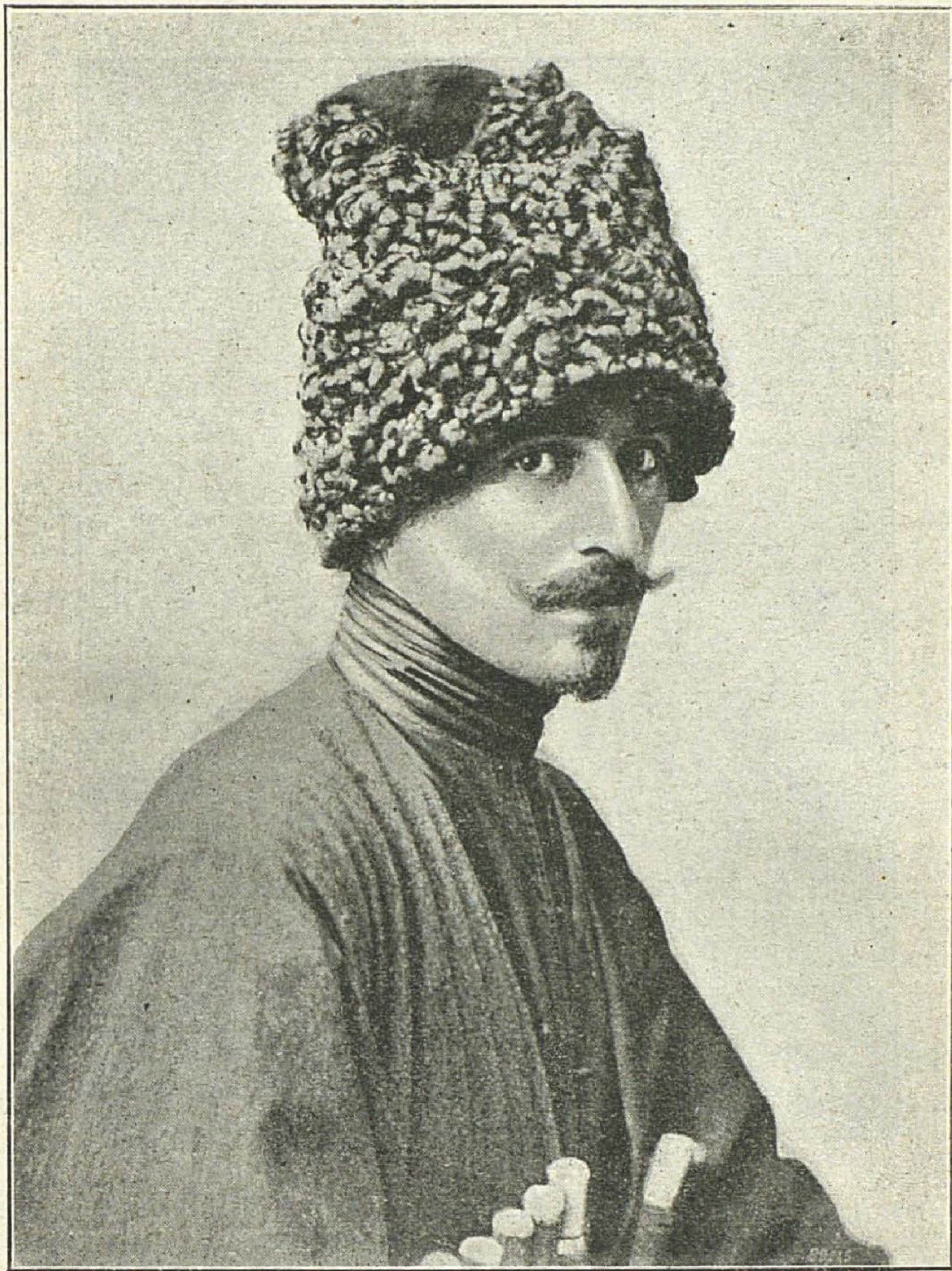
Оттого Грузія называется также Иверіей, а долина Ріона—Колхидой, „пламенной Колхидой“, какъ выразился Пушкинъ. Всѣ картвелы не только сходны по

Лазы.

внѣшности, но говорятъ на очень сходныхъ нарѣчіяхъ и нѣкогда входили въ составъ одного Иверскаго или Грузинскаго царства. Картвельскіе народы занимаютъ луч-

шія мѣста Закавказья: грузины живутъ по среднему теченію Куры и ея притоковъ, въ холмистой, плодород-

Мингрель.

ной странѣ; имеретины и мингрелы населяютъ долину Ріона и окрестные склоны горъ; гурійцы, лазы и другія

сходныя племена живутъ въ углу Чернаго моря, въ окрестностяхъ Батума. Къ турецкой границѣ на высокихъ плоскогорьяхъ, въ котловинахъ среди нихъ, зали-

Грузинка.

тыхъ потоками лавы древнихъ изверженій, обитаютъ земледѣльцы—армяне. Это лишь часть всѣхъ армянъ: остальные населяютъ сосѣднія владѣнія Турціи и Персіи.

Все восточное Закавказье вдоль берега Каспійскаго

Моря, сухое, степное, заняли совсѣмъ иныя племена: ихъ называютъ закавказскими татарами. На дѣлѣ это не столько татары, сколько потомки разныхъ кочевыхъ турецкихъ племенъ. Они продвинулись сюда изъ соседней Персіи, которую столько разъ покоряли ихъ родичи.

Изъ всѣхъ закавказскихъ народностей несомнѣнно самыя интересныя это картвелы, т. е. гурійцы, имеретины, мингрелы, грузины. Прежде всего картвелы, несомнѣнно, одно изъ красивѣйшихъ, если не самое красивое племя на всемъ земномъ шарѣ. Высокіе, стройные, очень пропорціонально сложенные брюнеты, они поражаютъ красотой рѣзкихъ чертъ лица. Въ фізіономіи ихъ все опредѣленно и красиво очерчено, нѣтъ нашихъ расплывчато-неясныхъ лицъ, съ разными переходными формами и неопредѣленными чертами. Темныя и густыя, волнистыя волосы обрамляютъ овальное лицо, на которомъ всѣ черты—носъ, лобъ, глаза и ротъ правильны и красивы въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ. Стройный станъ и пропорціональное сложеніе сопровождаются мягкой граціей движеній, гордой осанкой и достоинствомъ выраженія. Конечно, не всѣ блещутъ подобной красотой, есть немало фізіономій непріятныхъ, крючковатый носъ которыхъ и острый взоръ глазъ напоминаютъ хищную птицу. Особенно скоро старятся женщины, у которыхъ и въ молодости замѣчательную красоту часто портитъ неподвижное выраженіе и слишкомъ рѣзкія черты фізіономіи. Но въ общемъ красоты картвельскихъ племенъ нельзя не замѣтить. Она поражала и поражаетъ всѣхъ. Вся бѣлая раса получила названіе „кавказской“ именно потому, что самыя идеальныя фігуры, самыя красивыя лица наблюдались въ сосѣдствѣ Кавказа, именно въ долинѣ Ріона.

Но въ красивомъ тѣлѣ картвела не всегда скрывается такая же прекрасная и возвышенная душа. По харак-

Національний нарядъ грузинскихъ князей.

теру они пріятны въ обращеніи, часто серьезны и разсудительны, достаточно трудолюбивы, общительны, не жадны, независтливы, храбры, но большею частью лег-

комысленны, тщеславны и не отличаются высокими умственными способностями. Сами они ничего самобытнаго не придумали, не создали, а заимствовали у соседей. Отъ грековъ они получили христіанство, у византійцевъ заимствовали многое въ архитектурѣ, въ обычаяхъ и государственномъ устройствѣ, у персіянъ заимствовали кое-что изъ духовной области, въ поэзіи и литературѣ, и многое житейское, какъ напр., костюмъ, вооруженіе, утварь, узоры ковровъ и т. п. Своимъ у нихъ оставались стародавніе обычаи, согласно которымъ ихъ племена дѣлились на сословія и владѣли землей.

Весь народъ распадался на три группы: главную часть составляли крѣпостные, которые сидѣли на помѣщичьей землѣ и обрабатывали ее, хотя лично были свободны. Земли были подѣлены между мелкимъ дворянствомъ—азнауры, и крупными князьями—мтавары, изъ которыхъ цари выбирали правителей областей—эриставовъ. Окруженные почти со всѣхъ сторонъ воинственными и сильными соседями—хищными горцами, персіянами, турками, разными кочевыми племенами, грузинскіе цари долго держались въ своемъ царствѣ. Они продержались бы и дольше, если бы оказались въ силахъ измѣнить старинное феодальное устройство. Въ концѣ концовъ цари Грузіи убѣдились въ своемъ безсиліи справиться съ буйными аристократами, съ грозными персіянами, которымъ они служили обыкновенно, какъ вассалы, съ турками, владѣвшими берегами Чернаго моря. Когда владѣнія Россіи придвинулись вплотную къ Кавказу, грузинскіе цари обратились за помощью къ Россіи, къ единственной соседней христіанской державѣ и заключили съ императрицей Екатериной договоръ, по которому становились вассалами русскихъ императоровъ.

Договоръ этотъ, однако, вскорѣ былъ нарушенъ, и Грузія превращена въ подчиненную область, которой управляли, какъ всякой иной окраиной. Сперва рѣзкая переменѣна очень не понравилась дворянамъ и князьямъ. Они ѣздили хлопотать въ Петербургъ,

Грузинъ крестьянинъ на сѣнокосѣ. (Фотографія).

домогались восстановленія Грузинскаго царства. Потомъ дворянство стало волноваться, строило заговоры, даже попыталось поднять возстаніе. Правительство сурово укротило ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчинило грузинскихъ крестьянъ общерусскимъ крепостнымъ законамъ, что оказалось очень выгоднымъ

грузинскому дворянству. Дворяне успокоились навсегда. Послѣ освобожденія крестьянъ въ Закавказьѣ не позаботились толкомъ отдѣлить земли крестьянъ отъ помѣщичьихъ. Поэтому теперь споры о землѣ, тяжбы, раздоры изъ-за арендной платы, повинностей и т. п. распространены всюду и составляютъ главное зло туземной жизни.

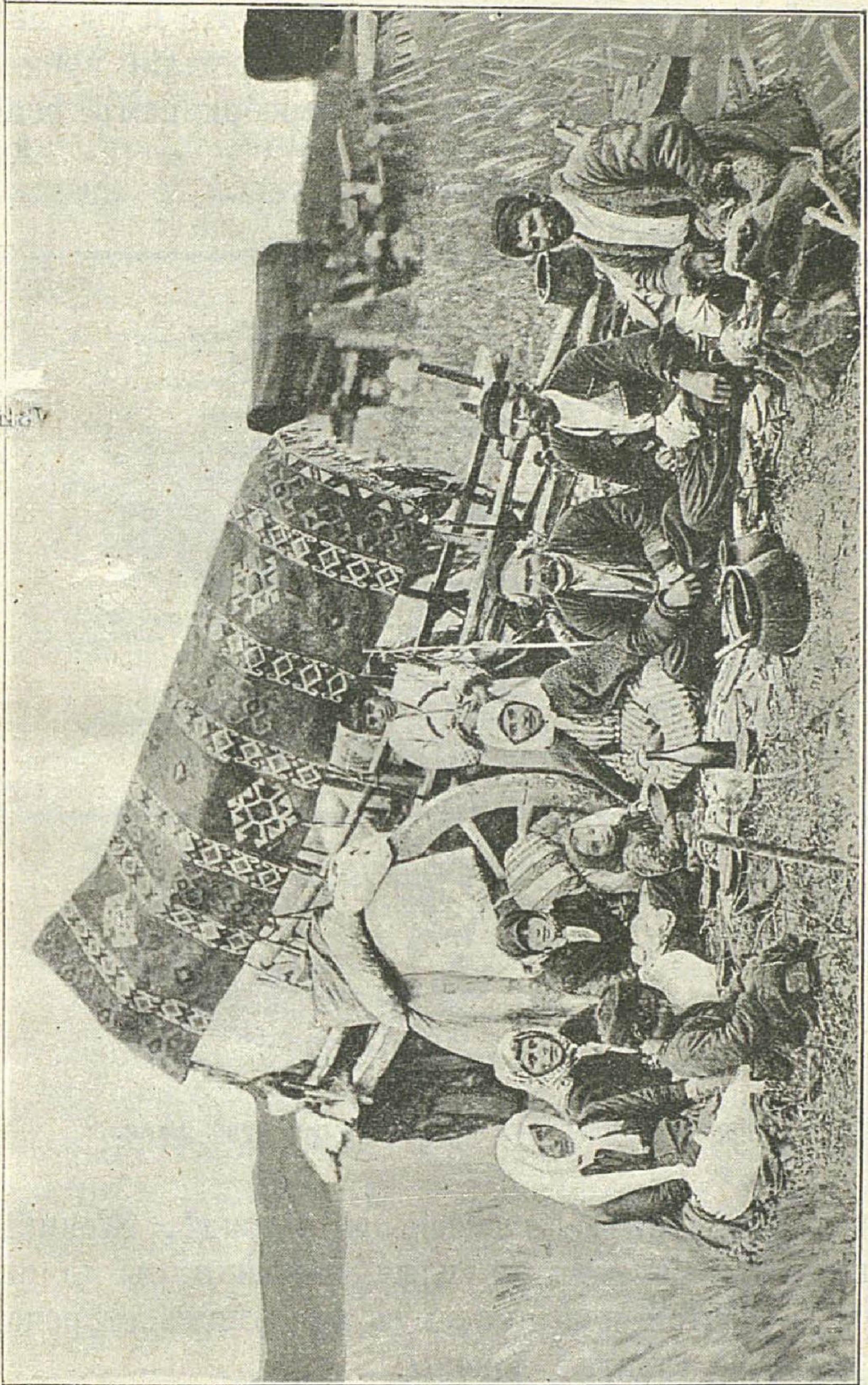
Жить крестьянамъ очень тяжело. Вездѣ въ Закавказьѣ, даже въ самыхъ благословенныхъ, роскошныхъ уголкахъ какъ-то странно поражаетъ крайняя бѣдность населенія рядомъ съ красотой и богатствомъ природы. Въ Гуріи, Имеретіи, Мингреліи, въ Сванетіи и Грузіи бѣдность, грязь, невѣжество и болѣзни—удѣль земледѣльцевъ. Это происходитъ больше всего отъ того, что лучшія земли принадлежатъ дворянамъ, а обрабатывающіе ихъ крестьяне обременены слишкомъ тяжкими повинностями. Собственные клочки у крестьянъ обыкновенно слишкомъ малы. Бѣдность и отсутствіе помощи не позволяютъ крестьянамъ и мелкимъ арендаторамъ улучшать хозяйство, осушать болота, расчищать почти тропическія чащи лѣса, обзавестись лучшими орудіями. Наконецъ, Кавказъ и Закавказье—горныя страны, а въ такихъ странахъ главное, это хорошія дороги. Хорошія дороги въ горахъ стоятъ очень дорого. Дорого обходится не только постройка, но также поддержаніе ихъ въ порядкѣ. Поэтому сами жители не въ состояніи строить и содержать ихъ, а правительство слишкомъ мало заботилось объ этомъ. Вотъ почему въ Закавказьѣ можно найти немало мѣстъ, гдѣ плодородіе почвы, богатый урожай мало облегчаютъ жителей. Случается, что продуктовъ дѣвать некуда: самимъ не съѣсть, а продать невозможно, потому что за отсутствіемъ хорошей дороги доставить продукты въ городъ или на стан-

ціи желѣзной дороги обошлось бы въ убытокъ. Бываетъ, винограда уродится столько, вина надавятъ такъ много, что покушцику одну бочку продадутъ, а другую даромъ нальютъ—все равно самимъ не выпить, говоритъ хозяинъ. Отъ малоземелья и бѣдности множество имеретинъ и мингрель, гурійцевъ и грузинъ разбредается въ города и въ сосѣднія области въ качествѣ рабочихъ, охотно берущихся за самый дешевый трудъ.

Гораздо лучше живутъ другія сословія—городскіе ремесленники и торговцы, мелкіе и средніе дворяне, не говоря о крупныхъ. Въ бытѣ зажиточныхъ грузинъ проявляется весь характеръ этого легкомысленнаго, тщеславнаго, веселаго, довольно лѣниваго, очень общительнаго и въ высшей степени непрактичнаго народа. Зажиточный грузинъ, мингрель или имеретинъ всегда горячо преданный членъ своего дворянскаго рода. Обыкновенно родъ сидитъ въ мѣстности цѣлымъ гнѣздомъ, разбившись на отдѣльныя семьи, владѣющія разныхъ размѣровъ помѣстьями. Къ роду принадлежитъ немало обѣднѣвшихъ, даже обнищавшихъ сочленовъ, носящихъ ту же фамилію ¹⁾.

Домъ зажиточнаго грузина большое четырехугольное зданіе въ два этажа легкой постройки подъ красной черепичатой крышей съ просторными балконами и галереями кругомъ. Внутри—смѣсь Европы съ Азіей. Восточныя тахты съ узорчато вышитыми подушками, ковры на полу и на стѣнахъ, старинная восточная посуда, оружіе, одежда мѣшаются съ предметами европейской культуры, которые появляются въ послѣднее

¹⁾ Напр. вдоль Военно-Грузинской дороги чуть не всѣ обитающіе по ней грузины носятъ фамилію Гудаури, а въ Койшаурской долинѣ всѣ — Койшаури.

Крестьяне-грузины въ полѣ. (Фотографія).

время все чаще и чаще. Хозяинъ чаще еще одѣтъ въ восточный костюмъ, далеко не столь строгій и красивый, какимъ этотъ костюмъ являлся въ прежнія времена. Баранья шапка и кинжалъ на серебрянномъ поясѣ,

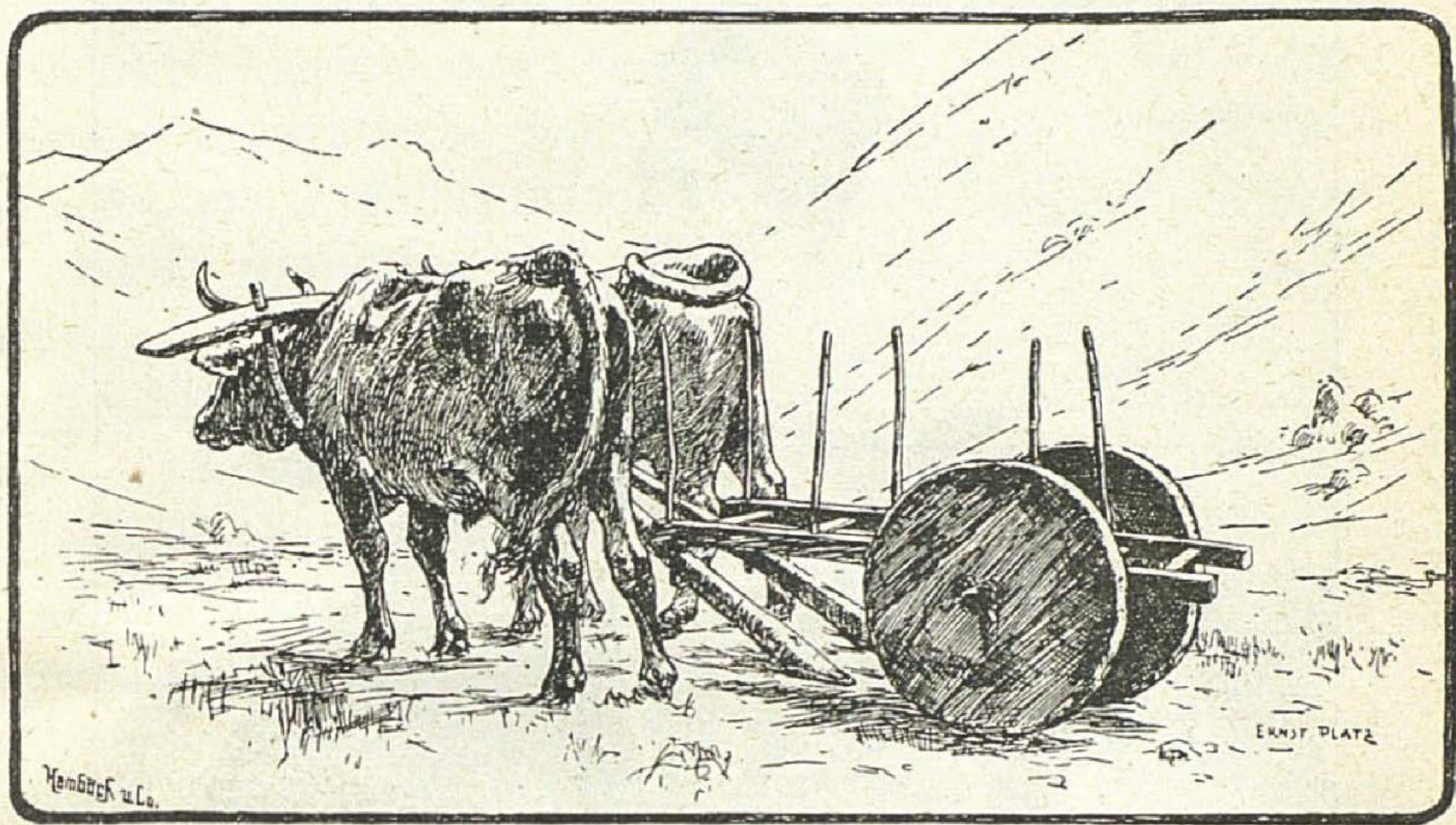

Тифлисскій водонось съ глиняными кувшинами.

украшенномъ чернью—главное въ нарядѣ. Женщины еще носятъ небольшія круглыя шапочки съ длинной прозрачной фатой и выпускаютъ по обѣимъ сторонамъ лица длинные завитые локоны.

Лѣнь, столь обычная на Востокѣ, не принимаетъ у грузинъ характера флегматичнаго кейфа, въ какой лю-

бять погружаться турки, татары, персы. Грузинъ бездѣльничаетъ дѣятельно, а именно сидитъ въ компаніи и веселится, т. е. пьетъ вино, поетъ хоромъ и подѣ аккомпаниментъ зурны (инструментъ вродѣ гитары) и хлопанья въ ладоши, бесѣдуетъ, рассказывая забавные анекдоты, и пляшетъ. Веселье обществомъ—самое лю-

Первобытная телѣга (арба).

бимое препровожденіе времени. Оттого, несмотря на оскудѣніе, мѣстные владѣльцы, даже мелкіе, очень гостепріимны. Оттого разные праздники, свадьбы и другія торжества—предметъ важный, привлекающій общее вниманіе. Зажиточный, а тѣмъ болѣе богатый помѣщикъ живетъ открыто: въ домѣ его много слугъ—управляющій, дворецкій, поваръ—почтительно увивающихся вокругъ величаво тщеславной фигуры господина, котораго почетъ и лесть тѣшатъ въ такой мѣрѣ, что онъ закрываетъ глаза на убыточное хозяйничанье челяди въ его имѣніи. Домъ нерѣдко полонъ людей,

гостящихъ родственниковъ, разорившихся дворянъ изъ того же рода или просто приживальщиковъ. Образъ

Гуриецъ.

жизни еще довольно патриархальный и простой. Дешевизна и обиліе продуктовъ, часто получаемыхъ въ

собственномъ хозяйствѣ, позволяютъ пировать часто и подолгу. Изъ собственнаго барашка поваръ готовить кислую похлебку (чихиртму), жарить, насадивъ кусочки баранины на длинный вертелъ, знаменитый „шашлыкъ“, который ѣдятъ съ чеснокомъ, барбарисомъ; подаютъ пловъ изъ курицы или той же баранины съ рисомъ. Овощи и плоды, какъ баклажаны, персики, виноградъ, доставляетъ собственный садъ. Вино, знаменитое кахетинское вино, приносятъ изъ собственнаго погреба, представляющаго громадныя зарытые по горло въ землю глиняныя кувшины, вмѣщающіе тысячи бутылокъ.

Въ празднествахъ, въ пирахъ и разныхъ собраніяхъ подобнаго рода женщины принимаютъ у грузинъ участіе наравнѣ съ мужчинами, чѣмъ бытъ этого народа рѣзко отличается отъ армянскаго семейнаго строя, не говоря про мусульманъ-татаръ. Женщина пользуется почетомъ и уваженіемъ. Это надо объяснить тѣмъ, что у грузинъ тонъ всему задавало дворянство. Феодальное дворянство всегда создавало „рыцарскіе“ нравы. Страсть къ веселью и самое веселье носить у грузинъ привлекательный характеръ: тосты другъ за друга, хоровое пѣнье и пляски, особенно пляски, невольно заражаютъ своимъ естественнымъ, безыскусственнымъ оживленіемъ самаго хладнокровнаго зрителя. Крайности, буйства, неистовства, какія часто сопровождаютъ веселье мрачныхъ сѣверянъ, рѣдко наблюдаются на югѣ. Случаются иногда кровавыя событія, когда затронута „честь“, въ защиту которой хватаются за кинжалъ, но чаще происходитъ, что за кинжалъ „схватятся“ двадцать разъ, запальчиво, грозно, да такъ и не обнажатъ. Обычай ношенія оружія, облегчая насиліе, вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ въ общежитіе учтивое обращеніе. Какъ хотите, а обра-

тятся съ грубымъ словомъ даже къ оборванцу, у котораго виситъ спереди кинжалъ, рѣшится не всякій, вѣрнѣе, не рѣшится никто.

Бѣдность народной грузинской массы и неприхотливая обезпеченность среднихъ классовъ сопровождаются большимъ невѣжествомъ. Грузины и другіе картвелы, за исключеніемъ магометанъ гурійцевъ, пра-

Арба для перевозки винограда.

вославные. Грузинская церковь обладала при прежнихъ царяхъ большою самостоятельностью, которой лишилась въ недавнія времена. Но о свѣтскомъ просвѣщеніи народа служители ея нисколько не заботились. Поэтому массы народа очень богомольны, но вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжественны и преданы всякимъ суевѣріямъ. Церковные праздники, богомолья къ разнымъ мѣстнымъ святынямъ въ многочисленныхъ монастыряхъ

ради исцѣленія отъ болѣзни, избавленія отъ бѣдствія, съ цѣлью испрошенія желанія занимаютъ большое мѣсто въ жизни народа. Но школьное образованіе распространено еще слабо. Есть у грузинъ своя литература, есть поэты и ученые, существуетъ нѣсколько газетъ. Но въ общемъ грузины даже въ своей странѣ принуждены уступать мѣсто въ повседневной дѣятельности армянамъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточиваются прибыльныя предпріятія и богатства. Непрактичный, общительный и веселый грузинъ пируетъ, не заботясь о будущемъ, а тертый и твердый, какъ кремь, армянинъ сидитъ въ лавкѣ и торгуетъ, прикладывая копейку къ копейкѣ.

Армяне, другая крупная народность Закавказья, распространены собственно по всему Кавказу. Однако вездѣ, кромѣ русской Арменіи, они встрѣчаются въ городахъ и селеніяхъ въ качествѣ богатыхъ купцовъ, крупныхъ предпринимателей и держателей мелкихъ лавокъ. Въ русской Арменіи, т. е. въ области Карской и въ Эриванской губерніи армяне составляютъ сплошное земледѣльческое населеніе и населяютъ не только города, но и деревни.

Арменія страна высокая. Тамъ много потухшихъ вулкановъ, но есть и дѣйствующіе, къ числу которыхъ принадлежитъ величавый Араратъ, на вершинѣ котораго тщетно искали остатковъ Ноева ковчега. Хотя вулканическая почва Арменіи плодородна, но на высотахъ ея климатъ гораздо суровѣе—зимой случаются настоящіе морозы со снѣгомъ, лѣтомъ въ полдень царитъ палящій, сухой зной. Оттого здѣсь нѣтъ и помину о роскошной зелени долины Ріона. Склоны голы, выжжены, и только присутствіе горъ, съ которыхъ струятся ручьи, позволяетъ трудолюбивымъ жителямъ существовать безъ нужды.

Армянка.

Обитающіе здѣсь армяне народъ съ такой же, если еще не съ болѣе древней культурой, какъ картвелы. Но культура эта, т. е. искусство обрабатывать почву, ре-

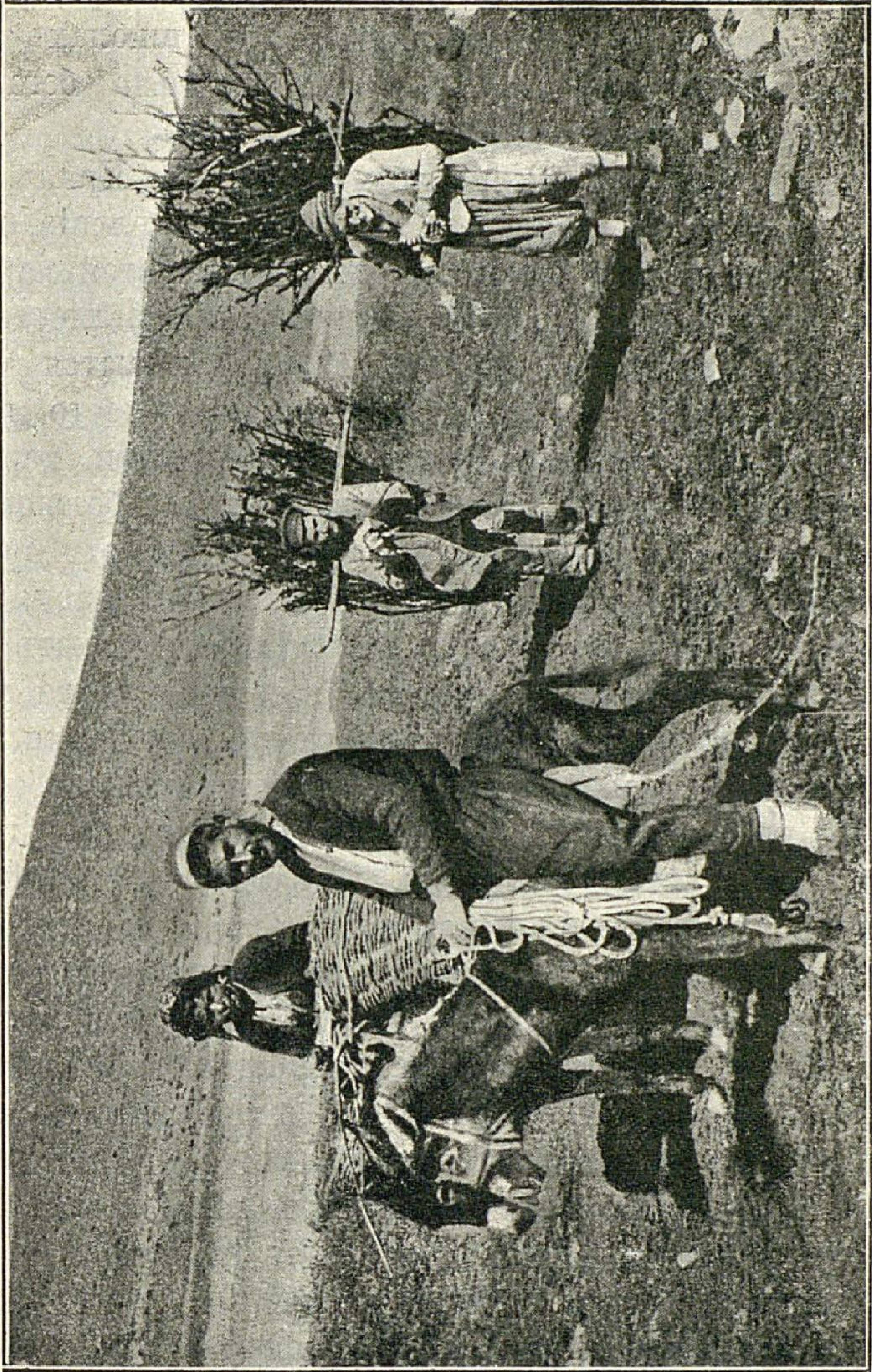
месла, вѣрованія, народныя обычаи и умѣнье управлять народомъ, также несамобытна, потому что армяне издавна жили въ сосѣдствѣ съ болѣе культурными сосѣдями, которымъ подчинялись, какъ напр., ассирійцы, персы, греки, римляне, византійцы. Но когда малой Азіей завладѣли турки, армяне потеряли всякую независимость и подпали тяжелому игу невѣжественныхъ мусульманъ. Тягость поборовъ и фанатичнаго угнетенія выгнала множество армянъ съ родины на чужбину. Армянскіе выходцы разсѣялись по многимъ южнымъ странамъ Европы на подобіе евреевъ.

Армяне отличаются отъ своихъ сосѣдей картвелъ, отъ персіянъ и турокъ прежде всего внѣшностью. Они ниже ростомъ, весь складъ ихъ тѣла тяжелѣе, черты лица топорнѣе, они склонны въ зрѣлыхъ годахъ къ полнотѣ. Не меньше различій и въ характерѣ: армяне крайне трудолюбивы, умѣренны и миролюбивы. Пылкая храбрость грузинъ, пламенное мужество гурійцевъ, дерзкая наглость курдовъ совершенно чужды имъ. Шумная общительность, склонность къ веселью, къ забавамъ также въ значительной мѣрѣ отсутствуетъ у нихъ. Упорство ихъ характера направлено на родинѣ на тяжелый трудъ обработки земли, а на чужбинѣ сноснаго положенія армяне, такъ же, какъ евреи, достигали при посредствѣ богатства, власти и силы денегъ, которыя пріобрѣтали, занимаясь торговлей и промышленной дѣятельностью.

Въ этомъ дѣлѣ армянамъ оказывалъ громадную помощь ихъ семейный бытъ. До сихъ поръ, какъ среди бѣдняковъ крестьянъ, такъ и у богатыхъ горожанъ, семейно-родовая связь остается у армянъ прочной и нерушимой. Ихъ патріархальная семья не распадается, какъ у другихъ: взрослые сыновья, женатые, вмѣстѣ со свои-

ми семьями остаются жить въ отцовской семьѣ, пока живъ ея глава, которому всѣ по обычаю повинуются или, по крайней мѣрѣ, относятся съ глубокой, вѣками установленной почтительностью. Каждый чувствует себя нераздѣльнымъ членомъ обширной семьи. Онъ не предпринимаетъ ничего, что могло бы огорчить или нанести вредъ или убытокъ семьѣ, повинуется указаніямъ старшихъ и пользуется за то со стороны всѣхъ родичей громадной поддержкой. Очень часто въ такомъ случаѣ имущество остается также нераздѣльнымъ и быстро увеличивается благодаря упорной и трудолюбивой дѣятельности многочисленныхъ членовъ семьи. Благодаря отчасти такому прочному быту армянскій народъ благополучно уцѣлѣлъ, несмотря на множество тяжкихъ бѣдствій, которыя сыпались на него, особенно на турецкихъ армянъ. Другая особенность армянскаго народа та, что среди него не было и нѣтъ дѣленія на сословія. У армянъ не существовало дворянства, не было и крѣпостныхъ. Есть среди нихъ семьи, уважаемыя за богатство и за вліяніе, но нѣтъ „князей“, какъ у грузинъ и горцевъ Западнаго Кавказа.

Армяне, подобно грузинамъ, христіане и очень преданы своей вѣрѣ. Но по вѣрѣ они отличаются отъ другихъ жителей Закавказья; у нихъ особое исповѣданіе, армяно-грегоріанское, къ которому принадлежитъ большая часть народа, тогда какъ другіе, армяне-уніаты, болѣе приближаются къ католикамъ. Особое исповѣданіе, особая церковь, въ чемъ армяне находили себѣ утѣшеніе послѣ того, какъ исчезло армянское царство, очень помогли армянамъ сохранить свою народность. Духовные руководители народа—католикось, который проживаетъ въ своей резиденціи въ го-

Крестьяне армяне.

родъ Эчміадзинъ, епископы, священники не только поддерживали паству въ тяжелые годы жестокихъ преслѣдованій: въ монастыряхъ и въ школахъ сохранился армянскій языкъ и его довольно богатая литература, которою армяне гордятся.

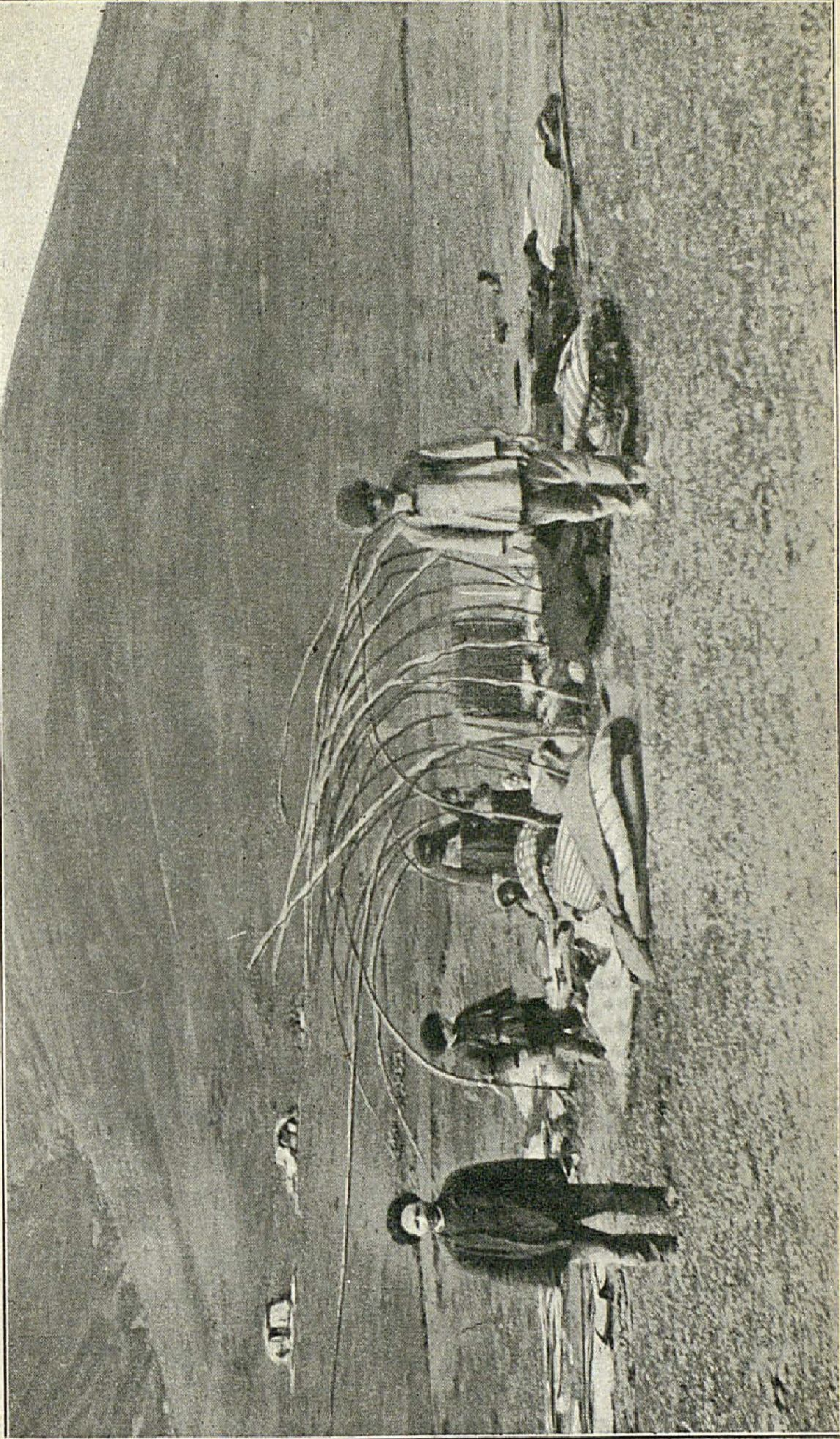
Армяне встрѣчаются на всемъ Кавказѣ. Врядъ ли тамъ найдется одно большое, оживленное селеніе, гдѣ бы не нашлось хоть одного представителя этой народности. Эти выходцы, заброшенные превратностями судьбы въ чужую среду, дѣятельно занимаются торговлей, разнымъ предпринимательствомъ, часто владѣютъ большими капиталами и предпріятіями, нерѣдко наживаются, какъ ростовщики. Обладая большими способностями къ такому роду дѣятельности, эти армяне-выходцы пріобрѣли себѣ очень плохую славу, которую совершенно несправедливо распространяютъ на весь армянскій народъ. Это ли, или то, что во всѣ прошлые вѣка армяне соперничали съ грузинами, но между этими народами давно существуетъ глубокая вражда, какая-то антипатія. Армяне презираютъ грузинъ, считая ихъ за глупый, непрактичный народъ. Грузины, въ свой чередъ, не выносятъ армянъ, обвиняя ихъ въ разныхъ торгашескихъ наклонностяхъ. Вражда эта такъ сильна, что даже образованные люди, писатели и ученые, грузинскіе и армянскіе, вѣчно спорятъ, обвиняя взаимно противную народность въ собственныхъ національныхъ несчастіяхъ.

Закавказскіе татары составляютъ третью многочисленную народность Закавказья. На татаръ они не всегда похожи. Часто „татарина“ нельзя отличить отъ перса, отъ лезгина и армянина по фیزیономіи. Татары отличаются отъ грузинъ и армянъ больше всего тѣмъ, что они мусульмане (одни—шіиты, другіе—суниты),

и при томъ очень фанатичные. Отличаются они и образомъ жизни, такъ какъ среди нихъ еще много кочевниковъ. Сухой климатъ восточнаго Закавказья мѣшалъ здѣсь прежде селиться земледѣльцамъ, а кочевникамъ было привольно. Зимой они пасли своихъ барановъ, верблюдовъ и коней въ степи, а лѣтомъ, по мѣрѣ того, какъ выгорала трава, перегоняли ихъ все выше въ горы. И теперь еще очень многіе живутъ въ кочевьяхъ, но жизнь ихъ очень жалкая. Такіе кочевники ютятся зимой въ тѣсныхъ землянкахъ. Иногда, проѣзжая по степи, можно наткнуться на цѣлый родъ „бугровъ“, а подѣхавъ ближе, узнаешь въ этихъ буграхъ землянки. Дымъ, выходя изъ отверстій, дикія фигуры обитателей—мужчинъ, женщинъ, дѣтей, одѣтыхъ въ разную рвань, вылѣзаютъ изъ нихъ или топчутся въ промежуткахъ между землянками. Весной каждая семья нагрузитъ свой незатѣйливый скарбъ на быковъ, хозяинъ сядетъ на коня, буде такой у него еще есть, и толпа женщинъ, дѣтей, въ перемежку со скотомъ—все двигается въ горы на „яйлакъ“ (т. е. лѣтнее пастбище). Потомки дикихъ кочевниковъ, вышедшихъ изъ Средней Азіи, эти „татары“ отличаются хищническими склонностями. Страстные любители скота, особенно коней, эти кочевые татары при всякомъ случаѣ не прочь угнать лошадь, барановъ, а то и похитить оставленные въ полѣ запасы земледѣльца. Изъ среды этихъ сыновъ степи нерѣдко образуются шайки грабителей, даже разбойниковъ, такъ какъ по ихъ понятіямъ лихое дѣло есть не преступленіе, а молодецество. Другая часть татаръ живетъ осѣдло по городамъ—въ Шемахѣ, Шушѣ, Елисаветполѣ и Баку. Среди нихъ немало богатыхъ. У однихъ домашняя обстановка еще восточная: дома съ цвѣтными стек-

лами восточнаго орнамента, съ ^еразными рѣшетчатыми балкончиками и галлерейками; внутри тахты, ковры на полу; на стѣнахъ на полкахъ цѣлая выставка восточной посуды. Сами обитатели одѣты по восточному и ведутъ вполнѣ восточный образъ жизни. Очень богатые татары уже начинаютъ жить по европейски, обучая дѣтей въ гимназіи, одѣваясь въ европейскій костюмъ и украшая свой домъ европейской мебелью и утварью.

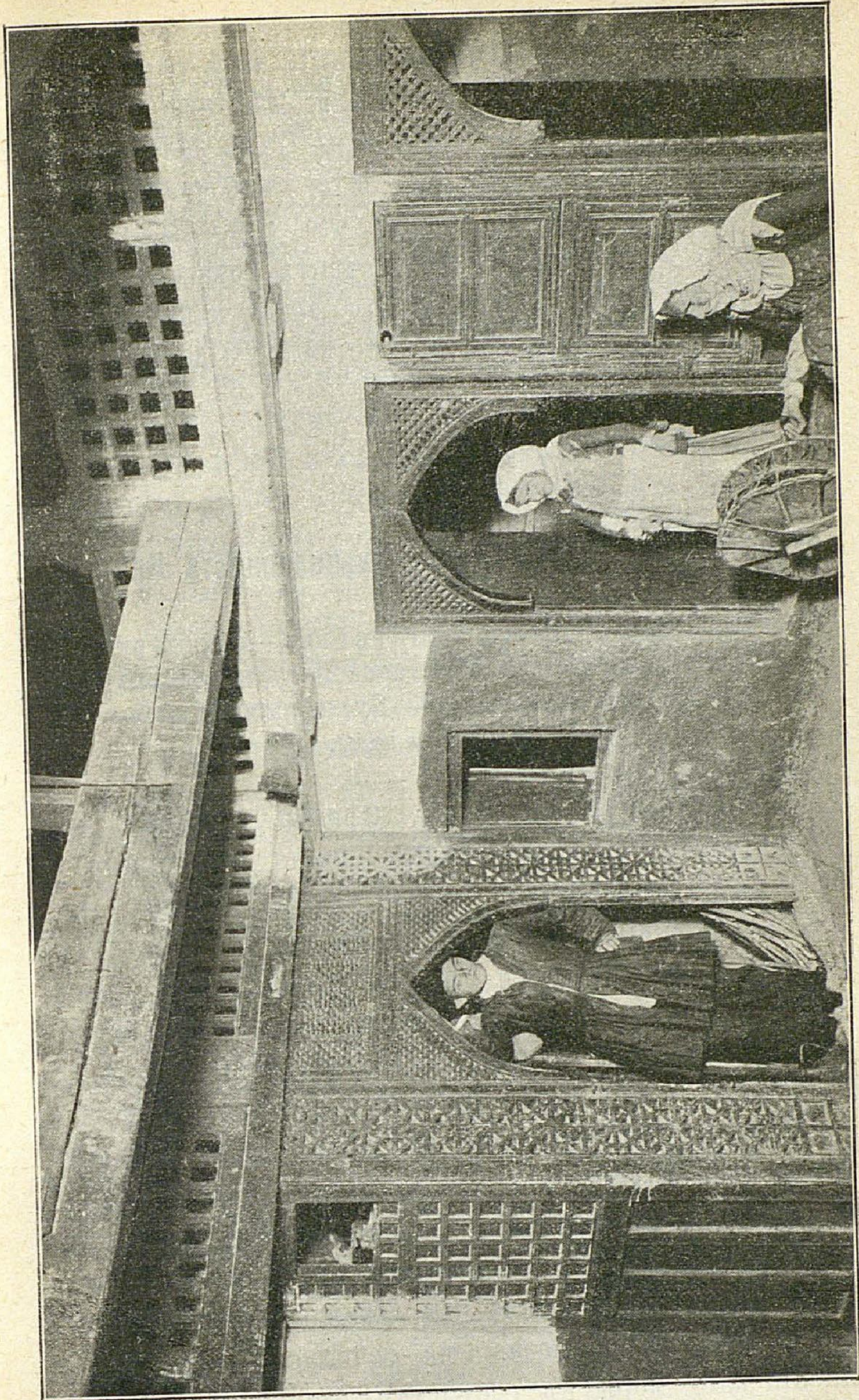
Въ мѣсяцы мохаррема шіиты въ теченіе десяти дней празднуютъ память имама Али и Хуссейна. Въ это время по городамъ Восточнаго Закавказья, въ Елизаветполѣ и въ другихъ оживленныхъ мѣстахъ можно наблюдать любопытныя и наивныя представленія и процессіи, которыя изображаютъ разныя сцены трагической гибели всей семьи Али, погибшаго въ борьбѣ съ соперниками за священную власть „халифа“ вскорѣ послѣ смерти Мохамеда. Процессіи, въ которыхъ люди, звѣри (т. е. переряженные въ звѣрей люди), отрубленные руки и головы „святыхъ“ основателей шіитской секты возбуждаютъ жалость, гнѣвъ, слезы зрителей, сопровождаются еще толпами самоистязателей. Держась другъ за друга, идутъ обнаженные по поясъ люди. Одинъ прищемилъ себѣ кожу разными клещами, замками, прокололъ ее гвоздями, продѣвъ въ отверстія соломинки, камышевки, — у иныхъ подъ кожу на груди, на спинѣ продѣты кинжалы; другіе, завѣшенные длинными бѣлыми покрывалами, идутъ, ударяя себя по лбу обнаженными шашками, ятаганами; кровь течетъ изъ порѣзовъ кожи, струится по лицу и заливаетъ красными потоками ихъ бѣлоснѣжныя покрывала. Вдохновенные фанатики, со взорами, изстуженными отъ наплыва религіозныхъ чувствъ,

Кочевники Закавказья за установкой юрты. (Фотография).

съ воплями, медленно проходятъ сквозь толпу потрясенныхъ зрителей, среди которыхъ особенно волнуются женщины: онѣ плачутъ, бьютъ себя въ грудь кулаками, даже царапаютъ лицо, рвутъ на себѣ волосы, чтобы этими мученьями покаянно участвовать въ страданіяхъ, какія перенесли, ради правой вѣры, Али, Хассанъ, Хуссейнъ. Фанатизмъ въ это время такъ силенъ, что власти и полиція не рѣшаются воспрепятствовать вовсе эти печальныя сцены.

Есть въ Закавказьѣ еще многія мелкія народности: таты, лазы, курды, іезиды или такъ называемые „поклонники дьявола“, есть евреи, поселенные здѣсь послѣ Вавилонскаго плѣненія, есть, наконецъ, русскіе, самыя настоящіе русскіе крестьяне, обитающіе здѣсь среди иноплеменныхъ, иновѣрныхъ народовъ, не теряя своего русскаго облика. Это молокане и духоборы, сектанты, которыхъ правительство выселило сюда изъ Россіи еще при Николаѣ I. Они живутъ большими селеніями въ центральной части Закавказья, живутъ совершенно по-русски, и, благодаря религіозной силѣ своего воодушевленія, трудолюбію и умѣренности, прекрасно процвѣтали здѣсь. Однако, въ послѣднее время они пошатнулись. Духоборы большею частью выселились въ Канаду, послѣ того, какъ, увидѣвъ въ разныхъ мѣрахъ правительства несправедливость къ себѣ, они отказались повиноваться законамъ: перестали платить подати, отбывать повинности, отказывались отъ военной службы (отъ которой раньше были освобождены). Прежняя ревность къ вѣрѣ, почтеніе къ старшимъ, уваженіе къ правиламъ общинной жизни, падаютъ среди молодежи. Молодые и табачекъ покуриваютъ, и вино попиваютъ, что строго запрещено правилами вѣры, работаютъ не съ прежнимъ усердіемъ.

Внутренность татарского жилища.

Но и до сихъ поръ слава молоканъ, какъ людей честныхъ и трезвыхъ, еще не исчезла. Мѣстные торговцы охотно довѣряютъ имъ свои товары. Такъ виноторговцы предпочитаютъ посылать свое вино въ бочкахъ на молоканскихъ подводахъ, потому что увѣрены, что молочанинъ въ дорогѣ не пробуравитъ бочки, не выпуститъ оттуда вина, замѣнивъ его водой, какъ дѣлаютъ даже на желѣзныхъ дорогахъ охотники до дарового угощенія.

Естественныя богатства и промышленность Кавказа.

Богатства Кавказа.—Добыча нефти въ Баку.—Мѣдные рудники, залежи сѣры, соли.—Марганцовыя копи Чіатуръ.—Земледѣліе.—Рыбная ловля.—Разведеніе скота.—Кустарные промыслы.—Минеральныя воды.

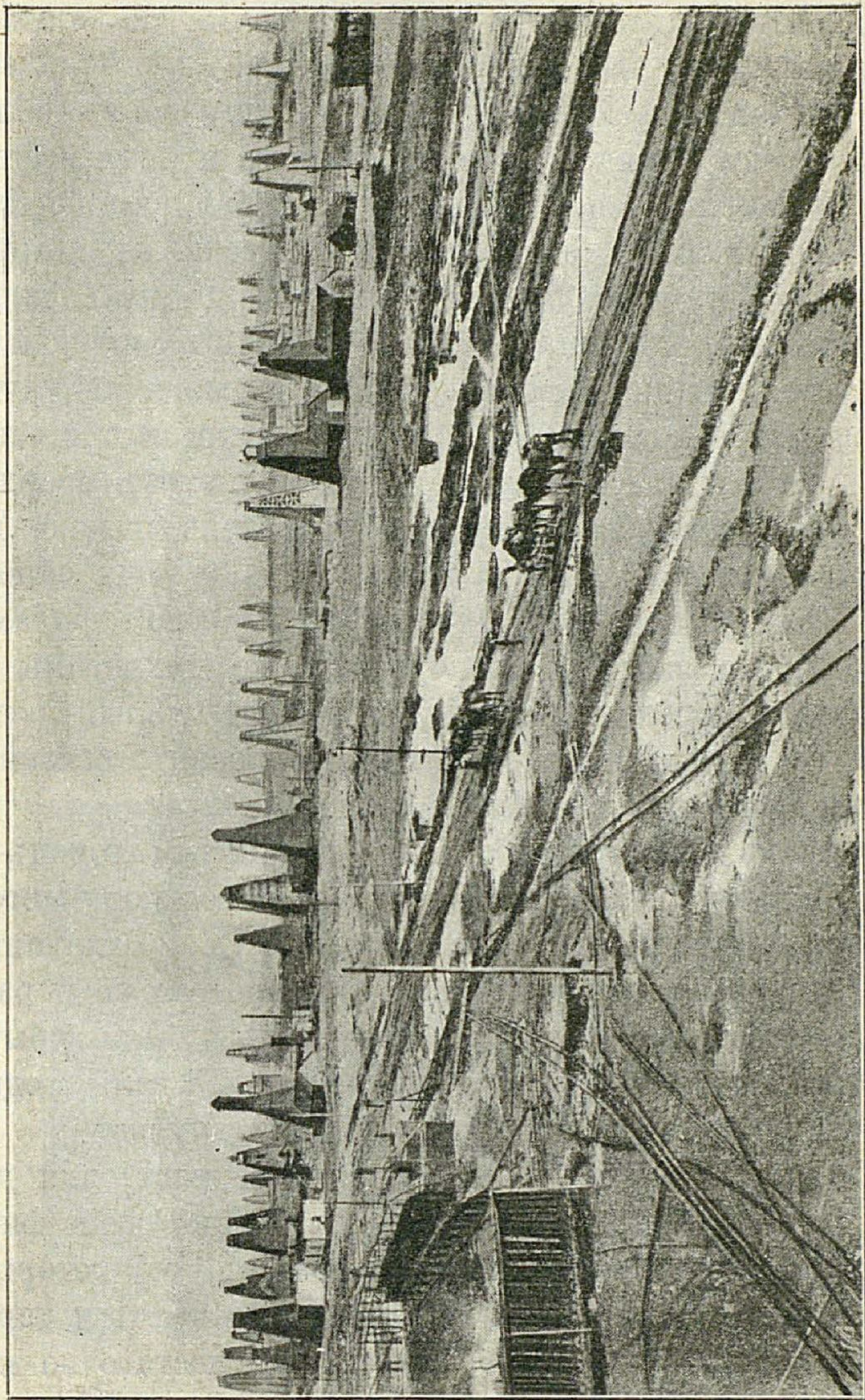
Кавказскій край всегда славился обиліемъ природныхъ богатствъ. Не только земля съ изумительной силой плодородія родила хлѣба, овощи, плоды, техническія растенія, давала пищу громаднымъ стадамъ, но рѣки и прибережныя моря таили рыбныя сокровища, сами горы заключали внутри себя цѣнныя ископаемыя: соль, серебро, мѣдь, желѣзную руду. Всѣмъ этимъ жители скромно пользовались въ мѣру своихъ потребностей. Но никто не ожидалъ, что подножія горъ и прилегающія къ нимъ равнины заключаютъ въ своей глубинѣ цѣлыя скрытыя озера и потоки жидкости, которая получитъ громадное значеніе. Нефть давно текла изъ скважинъ земли въ разныхъ мѣстахъ Кавказа. Она сочилась даже со дна Каспійскаго моря въ сосѣдствѣ Апшеронскаго полу-

острова, покрывая воду радужной, маслянистой пленкой. Нефти этой нашли употребленіе лишь византійскіе греки. Они готовили изъ нея „греческій огонь“, ужасное пламя, которое горѣло даже въ водѣ. Этимъ огнемъ они успѣшно пожгли напавшихъ на нихъ арабовъ и нашихъ предковъ славянъ, когда они являлись подѣ стѣны Царьграда съ слишкомъ дерзкими требованіями. Но иного употребленія нефть себѣ не нашла. Только когда американцы, открывъ богатая залежи нефти въ Пенсильваніи, придумали готовить изъ нея керосинъ и другія вещества, нефтеносныя залежи Закавказья привлекли къ себѣ вниманіе. Нефть произвела на Кавказѣ чудовищный переворотъ: для доставки ея построили первую желѣзную дорогу по Закавказью, благодаря ей глухіе городишки превратились въ громадныя, оживленные города, массы народу—предпринимателей и рабочихъ, хлынули въ страну, и жизнь всего края получила новое, небывалое движеніе. Кавказъ сталъ извѣстенъ всему міру. Жадныя капиталлисты иностранцы протянули къ нему свои объятія и съ каждымъ годомъ сжимають въ нихъ всю страну все сильнѣе и сильнѣе.

Первымъ мѣстомъ, гдѣ началась добыча нефти въ большомъ размѣрѣ, гдѣ и сейчасъ главный центръ нефтепромышленности, это Баку съ окрестностями. Еще недавно, лѣтъ сорокъ тому назадъ, Баку былъ непримѣтный, грязный татарскій городишко. Голыя, опаленныя окрестности, пыль, вѣтеръ, солнопекъ гнали отсюда всякаго пріѣзжаго. Теперь въ городѣ еще хуже — тучи дыма, противный запахъ нефти, восточная грязь и вонь оборванной толпы поражаютъ на первыхъ же порахъ всякаго, кто не живетъ въ новой европейской части города. Но люди тысячами

стремятся сюда въ надеждѣ заработка и наживы. Здѣсь только объ одномъ говорятъ, только объ одномъ думаютъ: о нефти. Человѣку, которому интересны другія вещи, нечего дѣлать въ Баку, какъ только поглядѣть на любопытную пестроту городской толпы и познакомиться съ обширной и важной нефтяной промышленностью.

Нефтеносныя окрестности Баку, напр., Балаханы, представляютъ въ высшей степени оригинальную картину. Громадное пространство земли покрыто цѣлымъ городомъ высокихъ конусообразныхъ вышекъ, которыя устраиваются надъ каждымъ нефтянымъ колодцемъ. Повсюду громадные, выложенные глиной или камнемъ резервуары, наполненные темной, густой и маслянистой нефтью. Безчисленные трубы, невѣдомо откуда и куда проводящія жидкость—нефть и керосинъ, какъ черви, вылѣзаютъ изъ земли на каждомъ шагу и змѣеобразными неподвижными извивами влекутся въ разныя стороны. Дымъ, копоть, пыль, удушающій противный запахъ нефти подымается съ черной, насквозь пропитанной ею земли, которая положительно накалена беспощадно палящимъ солнцемъ. Иногда надъ моремъ черныхъ вышекъ, наполненныхъ стукомъ, грохотомъ, взмываетъ къ небу медленными узорными клубами гигантскій столбъ—облако дыму. Это пожаръ: загорѣлся резервуаръ нефти или запылалъ фонтанъ—страшное и опасное явленіе въ этомъ царствѣ горючаго матеріала. Иногда вокругъ какой-нибудь вышки начинается суматоха: люди бѣгутъ прочь, сама вышка разваливается. Это изъ скважины могучимъ фонтаномъ хлынула нефть. Пробитый буравомъ пластъ почвы открылъ путь наружу сдавленной подъ землей массѣ жидкости, она ринулась наверхъ, разметавъ будку, разогнавъ людей, и сверкающей иглой бьетъ вверхъ на

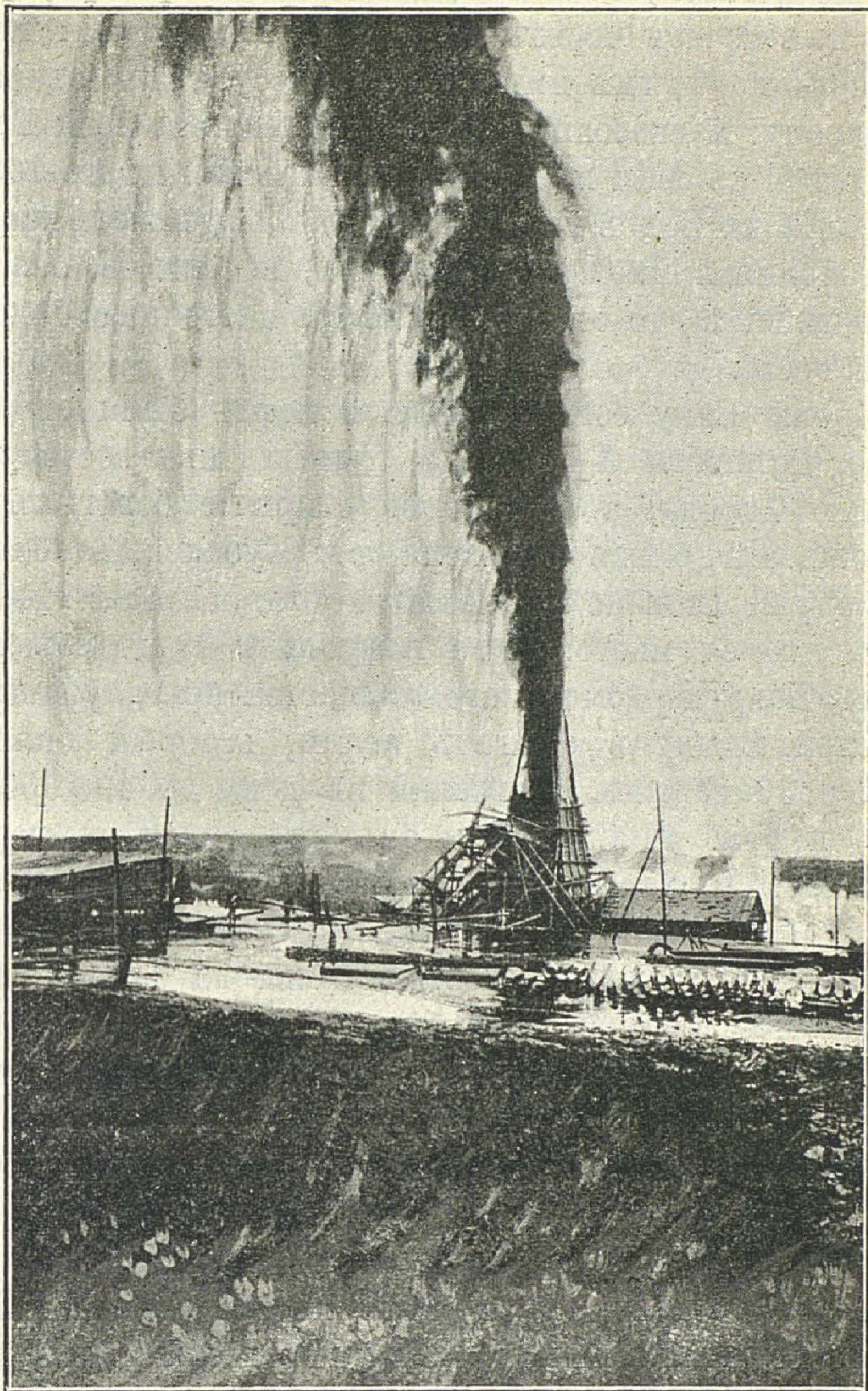

Нефтяные вышки.

десятки сажень, разбиваясь и падая внизъ миллиономъ брызгъ. Заполучить такой фонтанъ — мечта каждаго промышленника. Въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько дней, фонтанъ превращаетъ его въ богача, въ обладателя сотенъ тысячъ, даже миллионовъ пудовъ нефти. Когда, наконецъ, сила подземнаго стремленія нефти замираетъ, и она перестаетъ бить и течь, ее „тартаютъ“, т. е. въ колодець, глубиной въ десятки, даже сотни сажень, помощью паровой машины, опускаютъ большое цилиндрическое ведро. Оно падаетъ въ глубь чуть не съ быстротой молніи, дно открывается, цилиндръ наполняется нефтью и плавно летитъ вверхъ, послѣ того, какъ захлопнулось дно. День и ночь въ сотняхъ вышекъ тартаютъ нефть. День и ночь наполняетъ она резервуары, течетъ отсюда по трубамъ на громадныя заводы, гдѣ чудовищныя механизмы и аппараты превращаютъ массу нефти въ цѣлый рядъ сложныхъ и цѣнныхъ продуктовъ—керосинъ, бензинъ, вазелинъ, смазочныя масла и т. п.

Вокругъ этихъ заводовъ выросъ цѣлый городъ— „Черный городъ“. Количество нефти, какое получается въ однихъ бакинскихъ мѣсторожденіяхъ (Балаханы, Сураханы, Романы и Биби-Эйбатъ), колоссально и растетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1909 г. здѣсь было добыто почти 410 миллионовъ пудовъ нефти. Бывали годы, когда добывали болѣе 600 миллионовъ пудовъ.

Еще тогда, когда нефти добывали меньше, для доставки ея Каспійскимъ моремъ и Волгой въ Россію фирма Нобеля завела цѣлый флотъ баржъ, въ которыя нефть наливалась трубами. Потомъ, когда нефть и керосинъ начали вывозить въ Европу, стало недостаточно желѣзной дороги отъ Баку къ Батуму. Вдоль линіи ея устроили „нефтепроводъ“—трубу, длиной въ 842 вер-

Фонтанъ нефти.

сты, по которой, съ помощью насосовъ и резервуаровъ, керосинъ течетъ черезъ горы и долины до Батума на Черномъ морѣ, гдѣ имъ наливаютъ суда для отправки въ Европу. Кавказскій керосинъ свѣтитъ во всей Россіи и Европѣ, въ Азіи и Африкѣ. Кавказская нефть топить пароходы на Волгѣ и другихъ рѣкахъ, движетъ паровозы и машины множества фабрикъ, и если бы она внезапно изсякла, то это составило бы настоящее бѣдствіе для Россіи.

Кромѣ Баку богатая залежь нефти были открыты около крѣпости Грозной и далѣе къ востоку по теченію Терека, а еще новѣе открытіе богатыхъ мѣсторожденій близъ Майкопа въ Кубанской области. Здѣсь уже раньше добывали нефть, но никто не думалъ, что ея много. 30-го Августа 1909 г. изъ скважины Баку-Черноморскаго Общества съ глубины 35 сажень хлынулъ фонтанъ нефти, который билъ на высоту 30 сажень, доставляя въ день до 400.000 пудовъ нефти. 2 Сентября онъ загорѣлся и горѣлъ 12 дней. Пожаръ затушили, скважину забили, но нефть продолжала прокладывать себѣ дорогу сквозь пробку. Въ нѣсколько недѣль цѣны на землю поднялись здѣсь со сказочной быстротой. Люди, точно въ лихорадкѣ, торопились покупать ее, не зная еще навѣрное, что лежитъ внутри.

Кромѣ нефти Кавказъ, вѣроятно, окажется богатымъ и другими ископаемыми. Весьма возможно, что горы Кавказа и Закавказья богаты мѣдью. Пока есть нѣсколько рудниковъ, но вѣдь никто особенно старательно не искалъ ничего. Люди довольствовались давно извѣстными мѣсторожденіями рудъ. Такъ въ Алагирѣ, близъ Владикавказа, добываютъ серебро. Въ Чиркеѣ, въ Дагестанѣ, добываютъ сѣру, въ Кульпѣ на рѣкѣ

Араксѣ есть богатѣйшія ломки каменной соли. Но съ тѣхъ поръ, какъ развилаь добыча нефти, обогативъ многихъ, люди стали жаднѣе.

Казбекъ уже „покорился человѣку“. „Желѣзная лопата“ врѣзалась въ „каменную грудь“ и добываетъ мѣдь. Подъ снѣговымъ полемъ у края Девдоракскаго ледника заложень англіійскими капиталистами мѣдный рудникъ. Руду нашель какой-то горець, проводникъ туристовъ. Онъ продалъ находку-тайну какому-то другому лицу чуть не за 25 р., тотъ перепродалъ ее за 500 р., этотъ за тысячи, потомъ за мѣсто дали 80.000 р., а англіійская компанія купила мѣсторожденіе уже за 500.000 р. Англичане заложили шахту и добываютъ мѣдную руду. Теперь въ тѣхъ мѣстахъ невѣжественныя горцы рыщутъ по дикимъ ущельямъ въ поискахъ руды.

По тѣсному ущелью Закавказья черною струею несетя къ Ріону рѣчка Квирила. Вода ея черна и непрозрачна, какъ чернила, и эта чернота ея происходитъ отъ массы промытой въ ея водахъ марганцевой руды... Богатыя залежи этой цѣнной руды находятся въ горахъ надъ Чіатурами, оживленнымъ мѣстечкомъ Кутаисской губерніи. Гора, какъ кротовыми ходами, пронизана шахтами. Груды руды свозятъ внизъ, спѣшно промываютъ и грузятъ на платформы небольшой желѣзной дороги. День и ночь длинные поѣзда платформъ, груженыя марганцемъ, извиваясь, бѣгутъ по живописному ущелью Квирилы къ Шаропани. Здѣсь марганцовую руду пересыпаютъ на платформы Закавказской желѣзной дороги и везутъ въ Батумъ для вывоза за границу. Въ 1908 г. ея добыли 30 милліоновъ пудовъ. Все черно въ Чіатурахъ отъ марганца и марганцевой пыли. Черныя дороги, посыпаны черной пылью

дома, люди. Черные рабочіе копошатся по улицамъ мѣстечка, черна станція, черна самая рѣчка. И какъ въ Баку не говорятъ ни о чемъ, какъ о нефти, такъ здѣсь всѣ рѣчи объ одномъ марганцѣ. Недалеко отсюда къ Тквибулахъ добываютъ каменный уголь.

Человѣкъ начинаетъ не на шутку нарушать величавое спокойствіе горъ. Глубины ущелій слышатъ невѣдомые, неслыханные до того звуки машинъ, свистки, грохотъ и пыхтѣнье. Еще десятка два, три лѣтъ, и горная промышленность Кавказа измѣнится до неузнаваемости.

Не съ такой сказочной быстротой, какъ добыча нефти, но все же быстро развивается сельское хозяйство. Вся Кубанская область превратилась въ громадное хлѣбное поле. Ради этого хлѣба провели черезъ горы желѣзную дорогу къ Новороссійску, устроили тамъ портъ, возвели громадный элеваторъ, изъ котораго сортированное зерно быстрыми струями бѣжитъ въ трюмы иностранныхъ пароходовъ.

Въ Закавказьѣ съ каждымъ годомъ увеличиваются плантаціи хлопка. Его требуютъ на московскія фабрики все въ большемъ количествѣ. Въ глухія степи проводятъ каналы, чтобы превратить удобныя мѣста въ залитыя водою поля риса, производство котораго приноситъ высокій доходъ. Винодѣліе распространяется все шире и шире. Не одна долина Кахетіи производитъ знаменитое „кахетинское“. Виноградники разбиваютъ на Черноморскомъ берегу, въ сухой Эриванской губерніи. Уже теперь цѣна на землю подъ виноградникъ достигаетъ тысячи рублей за десятину.

Возлѣ Батума въ Чаквѣ много лѣтъ удачно разводятъ чайныя плантаціи; хотя чай невысокаго качества, но онъ даетъ хорошій доходъ. Тутъ же со сказочной быстротой растетъ бамбукъ, изъ стволовъ ко-

тораго на небольшой фабрикъ работают крѣпкую гнутую мебель. Фруктовые сады доставляютъ обиліе превосходныхъ фруктовъ, которые пока трудно вывозить, такъ какъ они быстро портятся и потому плохо выносятъ перевозку. Но уже свѣжіе персики, абрикосы возятъ на пароходахъ въ Ялту, въ Крымъ. Уже во многихъ мѣстахъ изъ нихъ дѣлаютъ консервы, которые въ жестянкахъ расходятся по всей Россіи.

Въ устьяхъ Терека, а еще больше въ низовьѣ и въ устьѣ Куры, у Сальянъ, производится ловъ рыбы въ большихъ размѣрахъ. Крупные промышленники держатъ здѣсь большія артели рыбаковъ. На громадныхъ плотяхъ ежедневно происходитъ лихорадочная уборка наловленной рыбы—бѣлуги, осетра, сома, леща, шемаи и другихъ породъ. Рыбу пластаютъ на балыкъ, тешку, солятъ, заготовляютъ икру, мелочь вялятъ и коптятъ, хоть и не въ такомъ размѣрѣ, какъ на Волгѣ, но ничуть не хуже.

Здѣсь же въ губерніяхъ восточнаго Закавказья успѣшно занимаются шелководствомъ. Пудъ готоваго шелка стоитъ въ продажѣ около 400 р., а трудъ кормленія червей, моренія ихъ, размотки коконовъ настолько простъ, что имъ могутъ заниматься даже дѣти. Здѣсь въ деревняхъ и городахъ этимъ дѣломъ занимаются многіе. Изъ шелка ткуть легкія, красивыя и яркія ткани; онѣ, правда, непрочны, зато дешевы и расходятся не только по Кавказу, но и по всей Россіи.

Всѣ занятія и промыслы, которые можно назвать земледѣльческими (шелководство, требующее разведенія тутовыхъ деревьевъ, тоже можно отнести сюда), развиваются на Кавказѣ такъ быстро, что цѣна на землю повсюду растетъ. Мѣста, гдѣ прежде паслись стада барановъ, коней и рогатаго скота, превращаются

при помощи искусственнаго орошенія, въ плантаціи, сады, виноградники. Скотоводамъ становится тѣсно. Прежде за аренду земли подъ пастбище они платили пустяки, потому что степь все равно ничего, кромѣ тощей травы, не производила. Когда-то Кавказъ и Закавказье славилось конями, бараны давали мясо, овчины для шубъ, для папахъ, шерсть на ковры—всего было въ изобиліи, все было дешево. Теперь уже не то. Съ каждымъ годомъ становится замѣтно, какъ рѣдѣютъ стада барановъ, уменьшаются табуны лошадей даже у казаковъ, среди которыхъ правительство усердно поддерживаетъ коневодство.

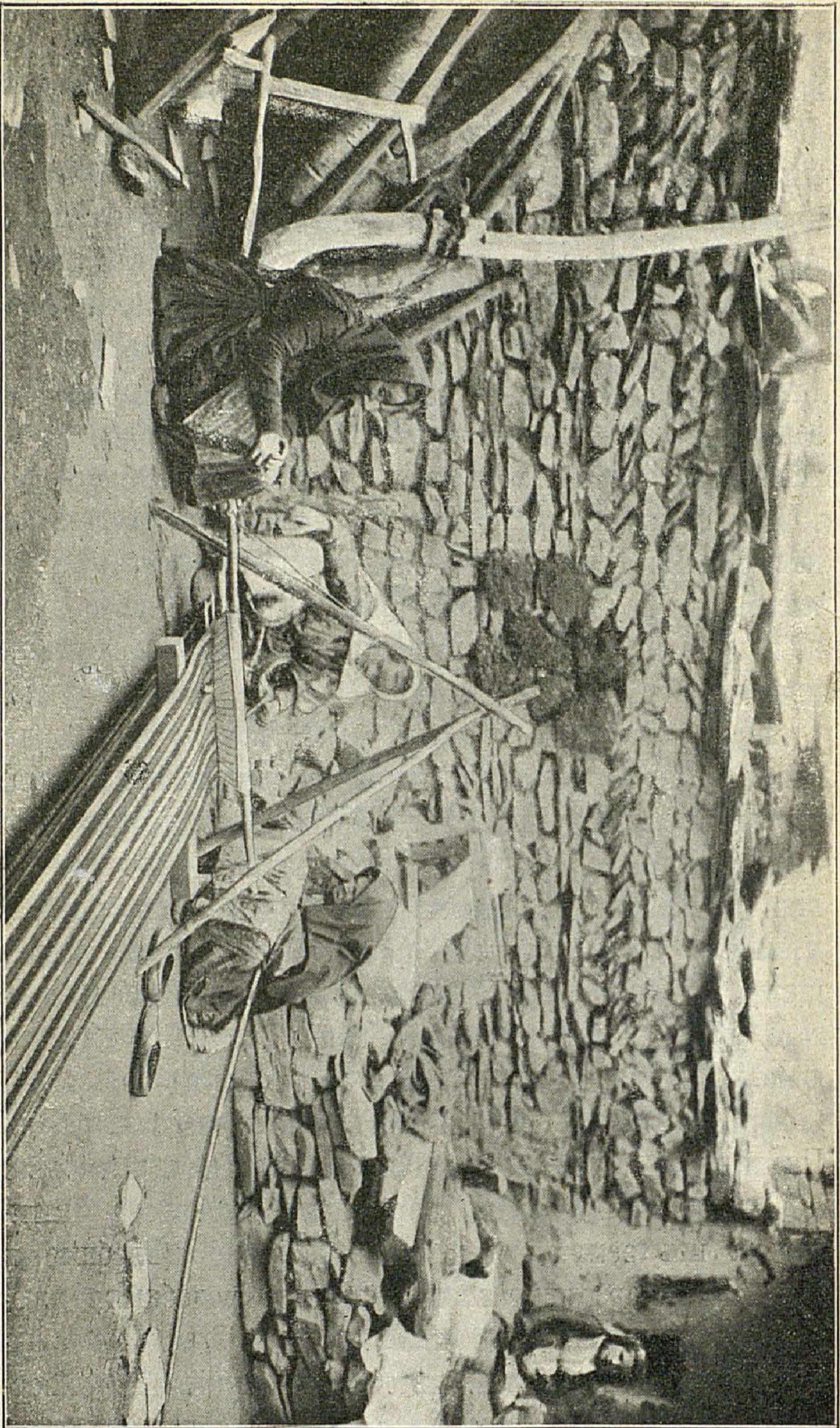
Прежде, когда горцы жили вольными племенами въ горахъ и мало знали, что такое деньги, они изготовляли домашнія вещи собственнымъ трудомъ. Металлическія вещи—оружіе, посуду, сбрую, украшенія работали мужчины, которые въ теченіе вѣковъ достигли въ этомъ дѣлѣ высокаго искусства. Ткани, издѣлія изъ шерсти и войлока, обувь, галуны—все это было дѣломъ женскихъ рукъ. Въ каждой семьѣ старались изготовить покрѣпче, попрочнѣе, покрасивѣе. Изяществомъ, прочностью, красотой работы, гордились, славились. Превосходныя непромокаемыя бурки, изящныя башлыки, горскія сукна, шелка, галуны, башмаки, туфли, особенно ковры въ Закавказьѣ—во всемъ жители Кавказа достигли большого совершенства, получая узоры и фasonsы съ Востока—изъ Персіи, Туркестана, даже изъ Индіи.

Теперь, когда домашнее трудовое хозяйство стало разваливаться, когда каждому потребовались деньги, и нужда стучится въ двери, эта домашняя кавказская работа превратилась въ кустарную промышленность. Женщины въ горахъ Кавказа, въ кочевьяхъ Закав-

казья, а также и мужчины, работают не для себя, не на семью, а на продажу. Жадные скупщики ѣздят по ауламъ и кочевьямъ, заказываютъ, скупаютъ партии готоваго товара и везутъ ихъ въ города. Прочность и оригинальная красота кавказскихъ издѣлій сдѣлали то, что они стали расходиться по всей Россіи и даже проникаютъ за границу. Врядъ ли гдѣ въ Россіи есть большой городъ, гдѣ бы нельзя было достать кавказскаго шелка, башлыкъ или какую нибудь серебряную вещь, украшенную чернымъ узоромъ. Особенную цѣнность представляютъ ковры, искусство выдѣлки которыхъ жители восточнаго Закавказья заимствовали изъ Персіи. Глядя на чудный узоръ пестраго, бархатистаго ковра, трудно себѣ представить, въ какой жалкой кибиткѣ, какими грязными, голодными руками производилась самая работа!

Если вспомнить, что еще 60 лѣтъ тому назадъ ни одинъ русскій не осмѣливался проникнуть въ горы, что по Военно-Грузинской дорогѣ ѣздили съ конвоемъ, съ пушками, то нельзя не изумиться переменамъ, какія произошли на Кавказѣ. Особенно быстро стала мѣняться жизнь съ тѣхъ поръ, какъ Кавказъ соединился съ Россіей желѣзными дорогами. вмѣсто долгаго пути на перекладныхъ, какъ ѣхалъ на Кавказъ юнкеръ Оленинъ, въ рассказѣ гр. Толстого „Казаки“, поѣздъ желѣзной дороги доставляетъ пассажира въ Пятигорскъ, къ подножію Кавказа, въ три-четыре дня.

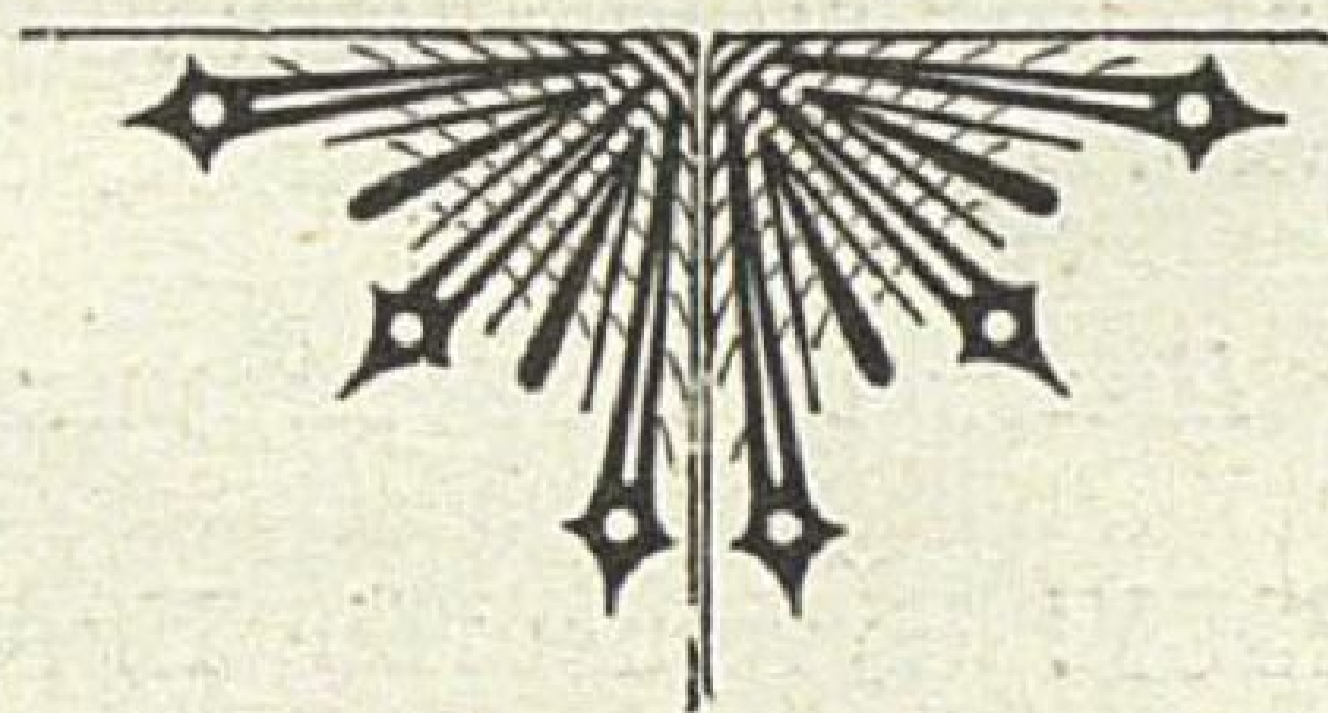
Въ сосѣдствѣ давно потухшихъ вулкановъ Пятигорска изъ земли бьютъ необыкновенно цѣлебные и цѣнные минеральные ключи. Немало подобныхъ ключей и въ другихъ мѣстахъ Кавказа и Закавказья, на примѣръ, въ Боржомѣ, прелестномъ ущельи въ верховьяхъ Куры. Но обиліемъ и цѣлебной силой больше

За тканьемъ ковра. (Фотографія).

всѣхъ славятся Пятигорскіе. Особенно извѣстенъ источникъ „Нарзанъ“. Воду его въ милліонахъ бутылокъ продають теперь по всей Россіи.

И вотъ мѣста, куда нѣкогда съ трудомъ и неохотой направлялись рѣдкіе больные—Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Эссентуки—бываютъ теперь въ сезонъ наводнены массаами пріѣзжихъ. Гдѣ бѣдный Грушницкій вздыхалъ по прелестной княжнѣ Мери, гдѣ скрывалъ отъ людского взора свою байроническую грусть Печоринъ,—тамъ теперь почти Европа. Въ сезонъ сюда съѣзжается множество людей, горитъ ослѣпительно электричество, пылятъ автомобили, къ услугамъ больныхъ всѣ удобства культуры, лучшіе врачи и роскошнѣйшія гостиницы. Минеральныя воды Кавказа соперничаютъ въ настоящее время съ курортами Европы. А на черноморскомъ берегу, въ Гаграхъ, Туапсе, Сухумѣ растутъ новые курорты, будущія мѣста для леченія больныхъ, отдыха утомленныхъ, а то и просто мѣста встрѣчи богатыхъ и скучающихъ людей.

Издательство „Юный Читатель“.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

ЖИЗНЬ СТЭНЛИ (Автобіографія). Съ англійск. Э. Пименовой. Ц. 35 к.

КАВКАЗЪ. (Природа и Люди). Н. Березина. Съ 32 рисунками. Ц. 50 к.

СРЕДИ ДИКАРЕЙ. Біографическій разсказъ. Виктора Окса. Съ рис. 2-ое изд. Ц. 25 к.

ЛА и ДЖО. Разсказъ Виктора Окса. Съ рисунками Allegro. Ц. 12 к.

ЮНЫЕ АВСТРАЛІЙЦЫ. Съ англійскаго. Въ переработкѣ Н. А. Шишкова. Второе изданіе. Ц. 60 к.

ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЖИЗНЬ. Съ шведскаго пер. С. А. Острогорской. Ц. 40 к.

СРЕДИ УГЛЕКОПОВЪ. Съ англ. Э. Пименовой. 3-ье изд. Ц. 30 к.

ИСТОРИЯ МОЛОДОЙ ЖИЗНИ. Романъ Отто Эрста. Пер. съ нѣмецк. В. Исполатовой. 2-ое изд. Ц. 30 к.

ВЪ НОВЫЙ СВѢТЪ ЗА СЧАСТЬЕМЪ. Повѣсть Н. Березина. 2-ое изд. Ц. 40 к.

ТУНДРА, ея животный и растительный міръ. Переводъ Е. Елачича. Съ 29 рисунками. Ц. 25 к.

ПО ПУСТЫНѢ. Разсказъ путешественника. Э. Вахтеровой. 3-ье изд. Съ рисунками. Ц. 8 к.

ЖИЗНЬ ДИКАРЕЙ. Э. Пименовой. Съ рисунками 2-ое изд. Ц. 35 к.

КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ! Путешествіе Пири. Э. Пименовой. Съ рис. Ц. 30 к.

Главный складъ изданій „Юнаго Читателя“. Петербургъ, М. Посадская, 10, телеф. 426—79. Выписывающіе на сумму не менѣе 2 рублей въ предѣлахъ Европейской Россіи за пересылку не платятъ.

